

Космос
7
ИЮЛЬ
1973

Handwritten signature or mark in the bottom left corner.

Костёр

7
ИЮЛЬ
1973

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года

НА СЛЕТЕ В ГОРОДЕ ДРЕЗДЕНЕ

2

Самое
опасное дело
поручили
Жемчужинке

6

„Чудо наутро,
в десятом
часу“

11

ПАРАГРАФ, КОТОРЫЙ МОГ СТОИТЬ ЖИЗНИ

24

Эту историю
продолжишь ты!

48

Мачты срубили...
Надели
спасательные
жилеты...

52

На обложке
рисунок С. Острова

СЧАСТЬЕ НАРОДОВ,

СВЕТЛОЕ ЗАВТРА

В НАШИХ РУКАХ, ДРУЗЬЯ!

Мне довелось побывать на многих Всемирных фестивалях молодежи: в Праге, в Будапеште и в Берлине, в Москве и в Хельсинки, в Вене и в Софии.

Помню всякую малость —
И улыбки, и песни.
Жизнь моя поднималась
С фестивалями вместе.

Трудно коротко объяснить, что такое фестиваль. Но, вероятно, ничего более красочного, яркого и звонкого я не видел.

Фестиваль, разумеется, — это не только песни и танцы. Это и жаркие дискуссии. На фестивали приезжают юноши и девушки из самых разных стран, разные любящие и в разное верящие. Но все они неизменно объединены одним: ненавистью к поджигателям грабительских войн, нетерпимостью к нищете, которой еще так много в мире, жаждой учиться и жить счастливо.

На нынешний Берлинский фестиваль вы еще не поедете. Но, конечно, на одном из следующих фестивалей будет немало сегодняшних читателей «Костра».

Вспомните тогда об этих нескольких строчках. И никогда не забывайте о том, что надо уметь по-настоящему дружить и помогать друзьям.

Лев Ошанин,

*лауреат Государственной премии,
автор текста
„Гимна демократической молодежи мира“*

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Вот и настал фестивальный месяц июль.

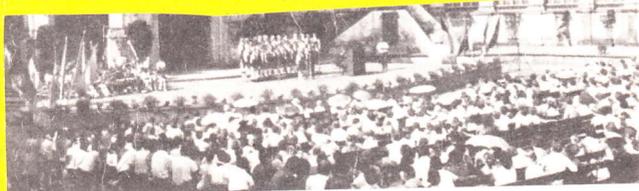
Посланцы молодежи планеты едут в Берлин ради и во имя того, чтобы мир восторжествовал во всем мире, чтобы угнетенные ныне народы вздохнули свободно, чтобы радостно и счастливо жили все дети Земли.

В нашей пионерской организации есть замечательная традиция: к большим торжественным событиям готовить подарки.

В своих дружинах и отрядах вы подвели итоги первого года Всесоюзного пионерского марша «Всегда готов!», определили, кто правофланговые, на кого надо равняться.

И, конечно, вы обязательно при этом учли все, что сделано вашим коллективом навстречу X Всемирному фестивалю. С праздником вас!

Т. Захарова
секретарь Ленинградского ОК ВЛКСМ

ПРОГРАММА ФЕСТИВАЛЯ

«Галерея дружеских вышивок, де-

лет на дорогах дружеских детских и юно-

шеская карта мира, вокруг которой вышивки и письма, приношенные детьми и подростка-

ми из разных народов, которые пережили ужасы военных войн.

Инициатором выставки и ее организатором являются руки детей

КРЕПНЕТ ДРУЖБА

— К нашему походному столу! — зовут хозяева.

Пожалуй, только Леша Есипов не спешил подставить свой котелок. Он решил сперва взять интервью у командующего маневрами лейтенанта Клауса Шнайдера.

Леша разыскал командующего и засыпал его вопросами. Оказалось, что тельманцы сегодня ходили в разведку, пеленговались по радию, преодолевали препятствия (местность нелегкая: горы, поросшие ле-

сом), стреляли по воздушным мишеням.

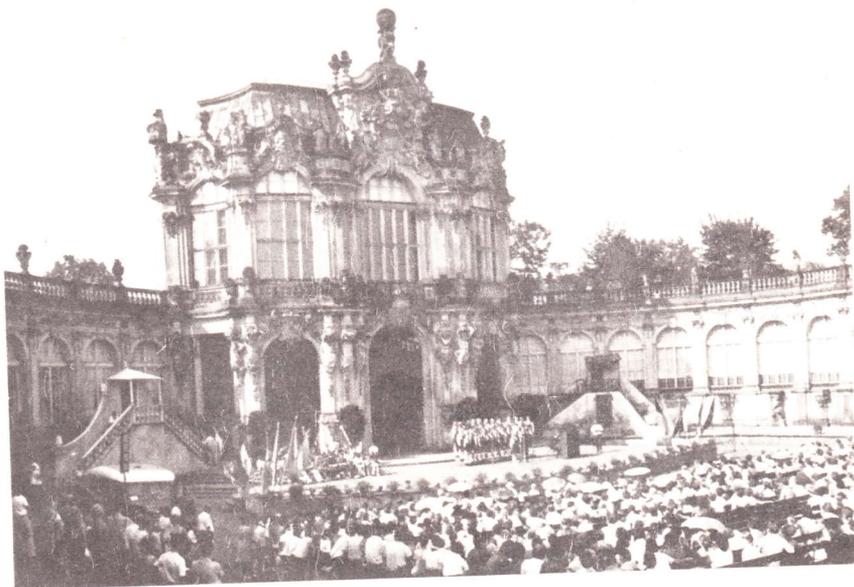
Вечером все любовались красочным фейерверком. В темном летнем небе вспыхивали то красные, то зеленые звездочки...

Из Папсдорфа отправились в Дрезден. Ребята из дрезденской школы № 73 имени Ханса Ротбарта с нетерпением ждали гостей из города-побратима, юных ленинградцев. Свои добрые чувства к гостям они выражают песней...

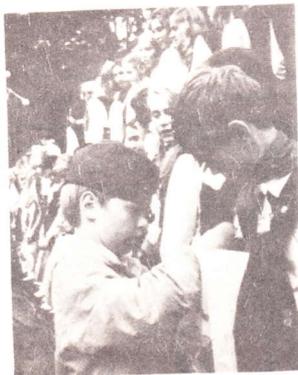
после отбоя приходилось соблюдать.

Только один раз жесткий режим нарушился: у немецких ребят началась своя «Зарница», очень похожая на нашу, и они пригласили гостей в горы, на солдатский обед.

Вот небольшая поляна, а на ней «бойцы» — кто в каске, кто с автоматом. Тут же кок в белом подкрахмленном колпаке. Из трубы его походной кухни вьется дымок.

ИЗ „ДЕТСКОЙ ПРОГРАММЫ ФЕСТИВАЛЯ“

Откроется международная «Галерея дружбы» — выставка детских рисунков, вышивок, деревянной игрушки.

Фотовыставка «Мир крепнет на дорогах дружбы» расскажет о деятельности детских и юношеских организаций мира.

Будет оформлена большая карта мира, вокруг которой найдут место открытки и письма, посланные в адрес фестиваля детьми и подростками разных стран.

Есть еще на земном шаре народы, которые страдают от империалистических войн.

На фестивале будет организована выставка и продажа сувениров, изготовленных руками детей

В дни Слета у памятника Советской Армии в центре Дрездена в почетном карауле советские и немецкие воины, советские пионеры и пионергетельманцы.

НА ЯРМАРКЕ

В парке города Дрездена открылась необыкновенная ярмарка. Здесь не было ни зевак, ни любопытных зрителей. Здесь каждый показывал, на что способен.

— Умеешь рисовать? Вот бумага, краски, рисунок.

— Любишь мастерить? Вот клей, ножницы, материалы. Делай сумочку. Можно сделать

себе на память и платок с эмблемой Слета.

— Хорошо знаешь геологию? Участвуй в викторине.

— Увлечен космосом? Назови имена первых покорителей космоса.

— Нравится профессия официанта? Зачислим в штат детского кафе. Поработай, покажи себя.

— Любишь спорт? Покажи, как прыгаешь в высоту! Вот тут, прямо на зеленом ковре.

С непривычки разбегаются глаза. Куда пойти сначала?

Лена Шипунова слегка даже растерялась. А потом мастерила забавную деревянную куклу, сделала ей модную прическу, как в лучшем салоне. Затем Лену привлекла викторина: «Знаете ли вы ГДР?» И тут удача — набрала много очков и получила приз.

РИСУНКИ НГУЕН

Однажды в столовую, где обедала советская делегация, пришли ребята в широкополых зеленых шляпах — вьетнамцы. Они, оказывается, наши соседи по столикам. Как тут не познакомиться! И переводчик сразу отыскался: Нгуен Ти Хен — студентка берлинского университета. Она помогла нам поговорить с маленькими вьетнамцами, которые только что приехали с родины.

Правда, с виду это малень-

кие мальчики и девочки. Робкие, несмелые в разговоре. Но на курточке у Хо Кика несколько орденов. Хо Кику четырнадцать лет, а он уже четыре года отвоювал в Народной Армии.

В «Галерее дружбы», на международной выставке детского рисунка, мы с волнением глядели на работы вьетнамской девочки Нгуен Дхи Нуа. Какие яркие краски! Девочка любила жизнь. Но ее уже нет в живых. Ее убили агрессоры. И Нгуен никогда не узнает, что на ее родной земле настал мир.

Едва переступив порог КИДа 161-й школы, Марнетта Бромберг радостно воскликнула: «Ой, наш вымпел!» Белоснежный, с синим голубем — вымпел дрезденцев теперь хранится здесь, в интернациональном Клубе «Ладога».

В Клубе состоялись незабываемые встречи. И все-таки за-

и подростков разных стран. Вырученные деньги перечислят в фонд помощи детям — жертвам империализма.

Во время фестиваля состоится конференция на тему: «ЗА УГЛУБЛЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ДЕТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИНТЕРЕСАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЛУЧШЕГО БУДУЩЕГО ДЕТЕЙ».

В палаточном лагере «Пионерская республика имени Вильгельма Пика» отдохнут друзья тельманцев — представители зарубежных детских организаций 40 стран мира.

Гости пионерского лагеря примут участие в празднике «ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ».

один-два дня обо всем не пере-
говоришь! Друзья обещают
приехать снова.

Т. Сергеева

Немецкие пионеры-тельман-
цы — гости школьного клуба
«Ладога»

В августе 1926 года немецкие пионеры — члены «Союза юных спартаковцев» отдыхали во Всесоюзном пионерском лагере Артек.

Летом этого года в Артеке в международную смену отдохнут представители детских и юношеских организаций 50 стран мира.

О приезде в Советский Союз немецких пионеров летом 1926 года вспоминает Владимир Алексеевич Окуньков, ветеран пионерского движения.

НЕМЕЦКИЕ ПИОНЕРЫ В АРТЕКЕ

Пионеры Седьмого отряда Бауманского района Москвы весной 1926 года обсуждали на своем сборе, как готовиться к пионерскому лету.

Именно на этом сборе и решили они пригласить к себе в гости немецких пионеров. Письмо-приглашение было послано на имя «Союза юных спартаковцев» — так называлась тогда детская коммунистическая организация Германии.

Московские пионеры написали так: «Дорогие товарищи! Мы приглашаем в Москву трех пионеров с первого июля по пятнадцатое сентября. Дети проведут лето в Крыму у Черного моря в самых лучших условиях. От наших отрядов туда поедут 150 человек, и все будет заранее подготовлено. Ответьте нам как можно скорее! Будьте готовы!»

ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ!

Передаю вам, внукам Ильича, горячий привет от парагвайских коммунистов и молодежи.

Моя родина, Парагвай, расположена в самом сердце американского континента. Природа не обделила Парагвай. В его недрах все есть — железная руда, марганец, цинк, медь, уран, нефть. В тропических лесах растет четыреста ценных пород деревьев. Богатейшая страна! А между тем уровень жизни в ней — один из самых низких в Латинской Америке. Ежегодно от голода и болезней умирает две трети новорожденных. Один врач приходится на несколько тысяч человек. Многие мальчики и девочки не учатся и вынуждены с ранних лет работать.

Парагвай называют большой тюрьмой. Лучшие сыны народа — коммунисты объявлены вне закона. Их преследуют, сажают за тюремную решетку, убивают. Но никакие репрессии не сломали мужества и воли патриотов.

В стране ширится движение сопротивления кровавой диктатуре. Говорят «Нет!» диктатору Стресснеру и дети коммунистов. Парагвайские мальчишки и девочки вместе со взрослыми ведут борьбу за свободу, за счастье. В их рядах и Перлита, о которой вы сейчас прочтете.

Она выполнила много партийных поручений: охраняла явочные квартиры подпольщиков, была их связной, доставляла политзаключенным весточки с воли... Она рисковала жизнью: только за подозрение в принадлежности к коммунистам в Парагвае, без скидок на возраст, пытаются и расстреливают.

Учитывая заслуги Перлиты, ее, тринадцатилетнюю, в порядке исключения приняли в партию.

Я рад, что советские юные читатели могут познакомиться с Перлитой и с ее боевыми друзьями.

Советские люди — взрослые и школьники — всегда поддерживали нас. Мы вам благодарны за братскую солидарность!

*Член Центрального Комитета
Парагвайской
коммунистической партии
Феликс Хименес*

ПЕРЛ

А. Петрухин

Перед парагвайским пограничником стояла, опустив голову, девочка. В правой руке она держала корзинку.

— Куда едешь? — сурово спросил офицер.

— В Асунсьон¹.

— К кому?

— К бабушке.

— А что в корзинке?

— Мыло.

Офицер стал рыться в корзинке. Вытащил один из кусков, повертел в руках. Окинул

¹ Асунсьон — столица Парагвая.

Трое юных спартаковцев, Вилли Герр, Рихард Бартель и Эрна Мюллер — дети немецких коммунистов — приехали со своим вожатым — Фритцем Фойгтлендером, председателем Берлинского Комитета юных спартаковцев, в Советский Союз.

«Пионерская правда» сразу сообщила об их приезде, — поручено было написать об этом мне, автору этих строк. И не только написать, но и позаботиться о том, чтобы гостям было хорошо в Москве.

Три недели провели немецкие гости в столице. Они побывали в пионерском лагере Сокольнического района Москвы, на многих городских детских площадках. По радио спартаковцы выступили с приветствием ко всем советским пионерам. Везде немецких ребят встречали бесконечными расспросами... Самое большое впечатление произвела та часть рассказа гостей, из которой было ясно, что в немецких школах существуют телесные наказания (как в дореволюционной школе!), бьют и линейками на уроке, и розгами после уроков. Немецкие пионеры удивлялись, что в наших школах ничего подобного нет.

Особенно запомнился гостям день встречи с Семеном Михайловичем Буденным, в его рабочем кабинете. Эрна Мюллер, вернувшись на Родину, так рассказала об этой

ИТА

Рисунки Н. Флоренской

девочку взглядом с головы до ног. Большие, чуть раскосые, наивные глаза, круглый подбородок, две беззаботные косички. Совсем еще ребенок.

— Как зовут тебя?

— Перлита¹.

— Какое красивое имя! — воскликнул офицер. — Смотри не запятнай его.

— Постараюсь, синьор офицер.

Пограничник приказал солдатам пропустить девочку, и она вприпрыжку побежала к остановке. Автобус подошел через пять минут. Перлита забилась в самый его угол.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ ЖЕМЧУЖИНКИ

Я дочь рабочего. Этим все сказано. Не учусь. И не потому, что не хочу. Нет средств. Мой отец — строитель. Почетная профессия. Но ему трудно найти работу. В Парагвае безработица. Моим родителям не на что купить мне учебники, тетради. Наша семья еле-еле сводит концы с концами. И таких, как мы, в Парагвае сотни тысяч.

У меня семеро братишек и сестреночек. Семья большая, но сплоченная, дружная. И все благодаря отцу. Я горжусь им. Он сильный, волевой. Его любимые слова: «Никогда не унывай!»

Наш дом находится на окраине Асунсьона. У дома два выхода. Один на улицу, другой, запасной, — во двор. Это очень важно: порой у нас собираются подпольщики.

Когда они приходят, отец говорит

¹ Перлита в переводе с испанского — жемчужинка.

мне: «Иди, дочка, на улицу Смотри в оба. Появятся пирагесы¹ — предупреди!»

Я радуюсь: мне, десятилетней, доверяют.

Как-то спросила отца: «Чем отличаются коммунисты от других людей?» Он ответил: «Коммунисты — защитники бедных, враги богатых. Они хотят установить в Парагвае счастливую жизнь для рабочих и крестьян, как это сделано в Советском Союзе».

Чаще всего подпольщики расходились далеко за полночь. Чтобы не вызывать подозрений у соседей, света в комнате не зажигали. Перед уходом пели песню, которая мне сразу понравилась. Такие в ней сильные, зовущие слова:

*Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!*

Однажды, стоя «на посту», я заметила мелькнувшую вдалеке тень. Человек шел не по середине улицы, а крался. Это было подозрительно. Вот когда пригодился запасной выход! Предупрежденные подпольщики вовремя ушли.

Вообще с некоторых пор мы заметили, что за нашим домом ведется наблюдение. Наверное, соседи доносили: люди они не надежные. Собрания у нас отменили. Отец скрылся. Мы объясняли любопытным, что он ищет работу. Время от времени получали от него записки. Он сообщал, что под чужой фамилией живет у одного верного товарища, просил не падать духом. «Ты старшая, — обращался он ко мне, — помогай маме, смотри за сестренками и братишками. Ты моя надежда».

Прошел почти год. Как-то ночью раздался стук в дверь. Условленный.

— Кто? — шепотом спросила мать.

— Открой, родная, — послышался знакомый голос.

Мать откинула крючок. Дверь распахнулась. Так и есть — отец!

Спрыгнув с постели, я подбежала к нему, повисла на шее, прижавшись

¹ Пирагес — «люди с волосатыми ногами». Так презрительно называют в Парагвае полицейских.

к колючей бороде. Проснулось все наше многочисленное семейство.

— Как я соскучился по вам, — говорил отец, — дайте на вас посмотреть.

Не заметили, как за разговором прошло два часа. Отец прилег на кровать. Устал с дороги.

Я вышла на улицу посмотреть, нет ли полицейских. Как сердце чувствовал! К нашему дому подъезжала машина; что есть мочи я крикнула: «Папка, спасайся!»

Но было уже поздно. Полицейские окружили дом. Несколько человек набросились на отца. Завязалась схватка. Однако силы были неравные. Один против десятых. Отцу скрутили руки и увезли.

Потом мы узнали, что отца бросили в тюрьму. Там над ним учинили жестокие пытки. Его ожидал расстрел. Однако товарищи спасли его: устроили ему побег.

Партия помогла отцу перебраться в соседнюю страну — Аргентину. Туда же позднее подпольщики переправили и нас — его семью.

За окном автобуса потянулись рощи апельсиновых деревьев. Плоды их красивы, но не съедобны: дикие, горьки и кислы. Зато из листьев этих деревьев получают ценное эфирное масло.

Еще несколько минут — и показали окраины Асунсьона. Перед въездом в город автобусу преградили путь полицейские. Они тщательно осмотрели вещи пассажиров. Перлита, сжавшись в комочек, дремала. Вид у нее был такой безобидный, что полицейские решили ее не беспокоить.

Автобус тронулся дальше и вскоре остановился на одной из центральных улиц — Теньете Фаринья. Здесь Перлита сошла.

встрече в газете немецких коммунистов «Красное знамя»: «...С. М. Буденный хорошо знает и о жизни немецкого рабочего класса, и о «Союзе спартаковцев». Русские пионеры в очень хороших отношениях с Красной Армией. Пионеры радуются, что им предстоит вступить в Красную Армию, когда они вырастут».

Первого августа мы проводили наших гостей в Крым.

В Алушке, в пионерлагере Наркомпути, немецкие ребята гостили несколько дней, а с 16 августа их пригласили в Артек. О своем житье-бытье в Артеке гости рассказали в газете «Пионерская правда», когда вернулись из Артека в Москву:

«В Крыму много санаториев и домов отдыха. Рабочее правительство действительно заботится о здоровье трудящихся и их детей».

В одном из Домов пионера 2 сентября состоялось собрание вожатых звеньев московских отрядов, посвященное Международной детской неделе. Центром внимания этого собрания были, конечно, немецкие пионеры. Они сидели в президиуме. Все они выступали, рассказывали о жизни немецких пионеров, делились впечатлениями о пребывании в Артеке.

Бабушка жила на окраине. Туда автобусы не ходят. Закончилась ярко освещенная улица, и девочка вступила в темноту. Это уже район бедноты. Дорога здесь не асфальтирована, вся в ухабах. По обеим ее сторонам разбросаны обветшалые глиняные домики. К одному из них подошла Перлита.

— Бабушка, — позвала она негромко.

Бабушка — она во дворе склонилась над очагом — от неожиданности даже присела.

— Девочка, какими судьбами?

— На крыльях прилетела, — крикнула радостно Перлита, — все наши по тебе соскучились!

Тут Перлита осеклась: она увидела на пороге дома двух мальчиков. Им было не больше шести лет. Они смотрели испуганно.

— Узнаешь? — спросила бабушка. — Это твои двоюродные братья.

Перлита бросилась обнимать ребят. Она знала, что их мать Исабель де Ортис, коммунистка, несколько лет сидит в тюрьме.

Всмотревшись в Перлиту, бабушка всплеснула руками.

— Ты совсем усталая и голодная. Сейчас же садись за стол.

Пока Перлита ела локро¹, бабушка рассказывала:

— С тех пор, как вы уехали в Аргентину, полиция не дает нам покоя. Не проходит дня, чтобы она не навевалась.

¹ Локро — традиционное в семьях бедняков кушанье из овощей и кукурузы с острой приправой.

Спасу от нее нет. Могут и ночью нагряться. Если у тебя что недозволенное, — спрячь от греха подальше.

Перлита пожала плечами:

— Что у меня может быть? Мыло...

ВТОРОЙ РАСКАЗ ЖЕМЧУЖИНИКИ

Однажды меня вызвал товарищ Рамон, член Центрального Комитета нашей партии.

Он сказал:

— Хочу с тобой посоветоваться. Видишь, на столе куски мыла. В них спрятаны письма нашим товарищам, которые томятся в асунсьонской тюрьме. Это мыло надо доставить узникам. Сама понимаешь, как это трудно сделать. Граница охраняется, а в Парагвае на каждом шагу полицейские. Взрослому не выполнить такое поручение. Его могут в любой момент арестовать — и тогда все пропало. Другое дело — ребенок. К нему не станут придирааться.

Посмотрев на меня внимательно, он продолжал:

— Это еще не все. Надо передать подпольщикам текст листовки, которую они размножат. Ты понимаешь, Перлита?

Без колебаний я сказала товарищу Рамону: «Готова выполнить задание партии».

— Листовку зашей в ремешок. В случае опасности — уничтожь ее. А текст постарайся запомнить. Передай его тогда устно. Если остановят на границе, — скажи, что несешь подарок бабушке.

Эта версия выглядела правдоподобной. Дело в том, что в Аргентине живет много парагвайцев. В свое время в поисках работы они покинули родину, да так и остались на чужбине. Но им разрешается без всяких виз посещать своих родственников, живущих в Парагвае. Разумеется, на границе таких путешественников обыскивают.

На прощание товарищ Рамон сказал, что меня будут ждать через три дня и что меня встретит на берегу реки Парагвай проводник.

Утром Перлита предупредила бабушку, что вернется не скоро, и вышла на улицу. Осмотрелась: так и есть — агент! Идет следом за ней. Теперь не отвязаться. Что же предпринять?

Ускорила шаг, быстрее пошел и агент. Скрыться некуда. Как некуда? А площадь Независимости? Площадь Независимости, которая начинается за углом?! По площади носятся машины, преимущественно военные джипы. Не каждый решится пробежать перед их носом: водители джипов не соблюдают правил езды, если они даже собьют человека, им ничего не будет, ведь военные у диктатора в милости!

Агент оторопел: юркая фигурка девочки замелькала между машинами. Он не ожидал такого. Бегал по краю площади, размахивая руками, но броситься в поток машин не решился.

Перлита тем временем села в автобус. Сошла на третьей остановке. Прошла дворами, свернула в переулок, пересекла улицу, вторую и только тогда направилась по нужному адресу.

Вошла во дворик-патио. Ни одной живой души. Постучала в дверь, еще раз, настойчивее.

— Тебе кого?

— Вам привет от дяди Рамона.

Теперь оставалась тюрьма.

Свидания с политзаключенными начинались в одиннадцать часов.

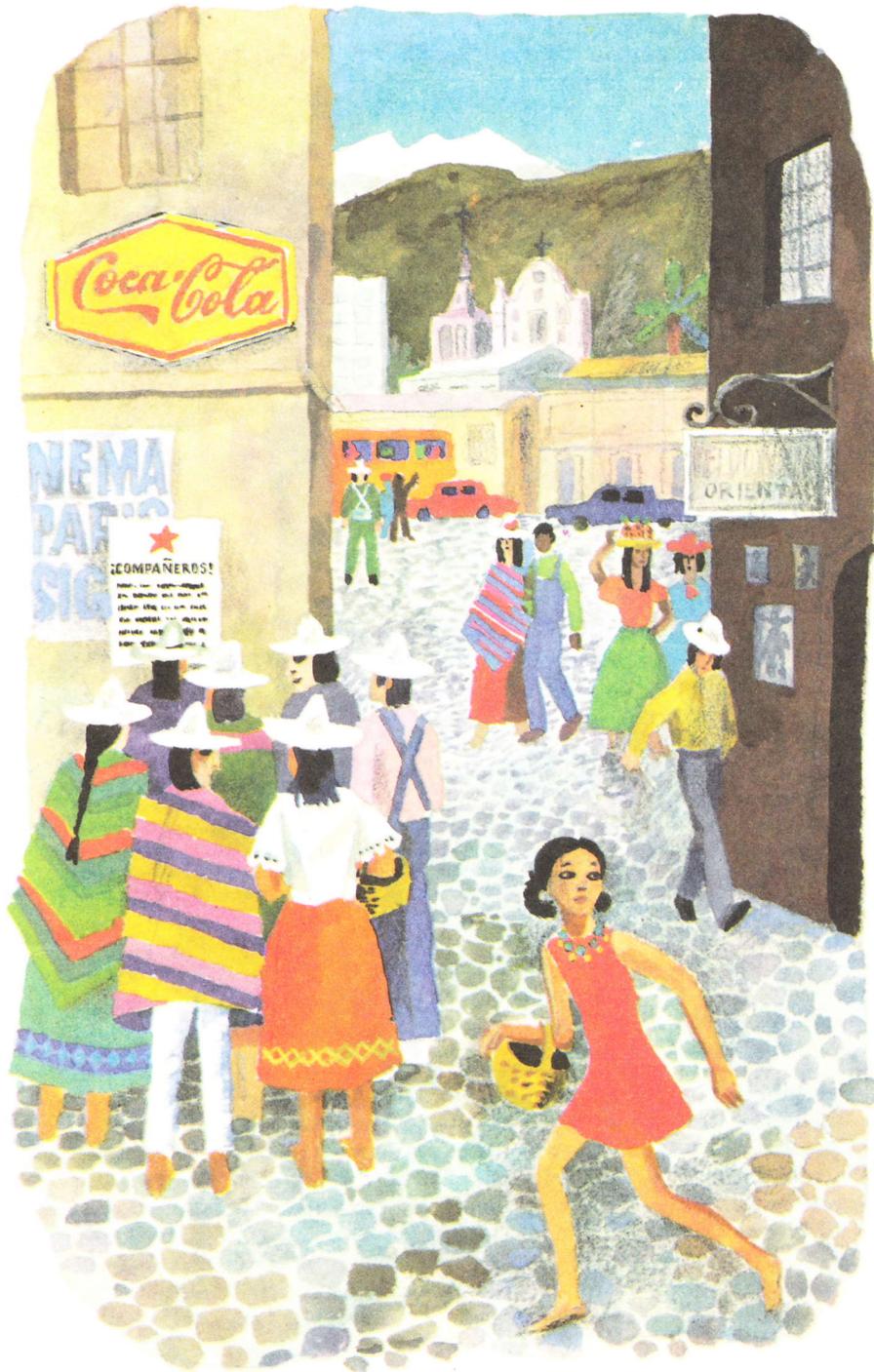
В приемной тюрьмы уже бы-

В заключение этого «Вечера смычки» немецкие пионеры торжественно вручили московским пионерам Красное знамя, на котором золотом вышит девиз: «Будь готов!»

Возвратившись домой, Эрн, Вилли и Рихард часто рассказывали на собраниях юных спартаковцев о своей поездке, но не всегда эти встречи проходили благополучно. Германские социал-демократы пытались помешать правдивым рассказам о советских пионерах. В октябре 1926 года во время «Дня рабочих детей», организованного Коммунистической партией Германии, был арестован Вилли Герр. Демонстрация детей в городе Штутгарте была разогнана полицией.

С возмущением рассказывала об этом факте своим читателям «Пионерская правда» 14 ноября того же года...

ло несколько посетителей. Тучный сержант записывал в толстую книгу всех присутствующих.

— А ты к кому? — спросил он Перлиту.

— К Исабель де Ортис.

— Есть такая. Кем ей приходишься?

— Племянницей.

— Жди своей очереди.

И, обращаясь к полицейским, приказал:

— Проверьте корзинку.

Те бросились выполнять приказание. Высыпали содержимое корзинки на стол.

— Нельзя ли поосторожнее! — крикнула Перлита.

— Много захотела, — ухмыльнулся один из полицейских.

Сержант громогласно предупредил:

— Можете говорить о чем угодно, только не о политике.

Перлиту вызвали самой последней. Ее провели в соседнюю комнату, разделенную на две половины железной решеткой. По обе стороны решетки стояли полицейские.

Наконец, в противоположной стене открылась дверь, и на пороге появилась тетя Исабель.

— Тетя Исабель! — бросилась к решетке Перлита.

У той от удивления расширились глаза. Она никак не ожидала увидеть здесь Перлиту.

— Зачем ты сюда пришла? Случилось что-нибудь с бабушкой?!

— Не беспокойтесь, тетя Исабель. Бабушка чувствует себя хорошо. И Хосе и Торес тоже.

НЕДЕЛЯ СОЛИДАРНОСТИ

прошла в каждой пионерской дружине, в каждом пионерском отряде нашей страны с 1 по 8 февраля нынешнего года.

С огромной радостью миллионы ребят узнали о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. «Победила солидарность!» — такую подпись под плакатами самих ребят можно было прочесть во многих школах во время недели солидарности. Четвероклассники и пятиклассники 155-й школы Смольнинского района Ленинграда подготовили антивоенные фотомонтажи. Старшеклассники этой же школы устроили выставку антивоенных плакатов.

Полицейский предупредил:

— Осталось две минуты.

Перлита заспешила:

— Просили (это слово она произнесла с особым ударением, и Исабель понимающе закивала головой) передать вам мыло.

Выйдя из тюремных ворот, девочка увидела в конце улицы толпу: что-то случилось. Все смотрели на стену, на которой были приклеены белые листочки.

Текст был Перлите знаком. Не зря она путешествовала по окраинным улицам, не зря убежала от агента: листовка, которую она доставила товарищам, уже была размножена.

«Боль и ненависть стучатся в наши сердца. В нечеловеческих условиях содержатся в тюрьме руководители Коммунистической партии, патриоты страны, борцы за счастье народа — Антонио Майдана, Хулио Рохас, Альфредо Алькорта. Они объявили голодовку. Их жизнь — в опасности. Граждане! Требуйте освобождения узников! Долой кровавую диктатуру!»

За окном автобуса вновь мелькал знакомый пейзаж: железная дорога, апельсиновые деревья, зеленые пастбища. Перлита сошла, не доезжая одной остановки до границы.

Тут начиналась саванна. Взрослый человек в ее зарослях скроется, а девочка и по-прежнему. Пробиралась около часа, а зарослям не видно конца. И присесть негде. Колко. Потом заблестела гладь небольшого озера, окаймленного светло-зелеными камышами. Девочка на ходу сбросила санда-

лии-альпартаты, вошла по колесу в воду. Приятная прохлада как рукой сняла усталость.

Небо заволокло тучами. Не ровен час — пойдет дождь. Спешить надо. Лучше прийти к месту встречи с проводником раньше, чем опоздать.

Девочка шла по саванне. Кричали попугай. С дерева на дерево перелетали неумные белки. За озером Перлита заметила стройную розовую птицу с необычайно длинной шейей — фламинго — и помахала ей рукой.

Впереди послышались голоса. Перлита бросилась на землю. Притаилась, сдерживая дыхание. Почти рядом с нею прошли пограничники. Когда голоса стихли, девочка поползла. Конечно, это не совсем приятно. Земля неровная, да еще наткнешься на ядовитых змей, которых здесь множество... Ползла минут двадцать. Потом поднялась и побежала.

Проводник уже ожидал ее. Обрадовался, помог сесть в лодку. Плыли медленно по извилистой реке со множеством песчаных островков. Хлынул ливень. Перлита выскочила на берег мокрая-премокрая. Только теперь она почувствовала, что все опасности позади.

За месяц до Первого мая отец сказал мне:

— Дочка, партийная ячейка решила принять тебя в члены партии. Готовься.

Я растерялась, не поверила. Как! Совсем зеленая девчонка — и коммунистка. Я этого не заслужила. Но отец не шутил.

В небольшой комнате собралось двадцать человек. Здесь были пожилые и молодые, закаленные в борьбе с диктатурой, революционеры. Обстановка была торжественной. Начал товарищ Рамон:

— Случай редкий, — сказал он. — Сегодня мы принимаем в партию самого юного нашего товарища.

Потом говорили другие. Сколько теплых слов было сказано обо мне!

И когда поставили на голосование предложение о приеме меня в партию, все двадцать рук поднялись вверх.

— Перлита, — обратился ко мне товарищ Рамон, — хочешь что-нибудь сказать?

Голос мой дрожал:

— Вместе с вами буду идти до конца.

И не выдержала, расплакалась.

Спустя четыре дня в город, где мы жили, пришел Первомай. Коммунисты устроили демонстрацию. Рабочие несли красные знамена. Кто-то запел, и вот уже знакомую мелодию подхватила вся площадь. Я тоже подпевала:

*Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов!*

Через несколько месяцев партия отправила меня на учебу в Советский Союз.

«Исполнилась моя мечта — я познакомилась с советскими пионерами. Среди них у меня много хороших друзей. Они всегда со мной, показывают Москву, приглашают к себе домой, помогают изучать русский язык. Живут они далеко от Парагвая, но, оказывается, отлично знают о нас и нашей борьбе. В школах Москвы, Ленинграда и других городов проводились многочисленные митинги солидарности с борющимися народом Парагвая. В них я участвовала. Мне хочется сказать детям страны Советов: «Спасибо вам за солидарность!»

Перлита».

В 271-й и 278-й школах Ленинграда наш фотокорреспондент побывал на митингах солидарности, посетил выставку школьного политического плаката и сделал снимки. Выставка проходила под девизом — «Юность обличает империализм».

Во всех школах Ленинграда и области прошел День труда: пионеры и комсомольцы собирали металлолом, макулатуру, работали на спортивных площадках, помогали рабочим на предприятиях города.

За активное участие в проведении операции «Лекарства лесной аптеки — детскому госпиталю в Ханое» ленинградская областная пионерская организация награждена грамотой Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Шуркина стратегия

ПОВЕСТЬ

Игорь Нерцев

Рисунки Ю. Шабанова

Заказанные в городе красавцы автобусы одолели перевал и отсчитали пять асфальтовых петель головокружительного спуска. Теперь они разгружались на небольших ступенчатых площадках сбегаящего к морю Ключевского пионерлагеря. Приехала вторая смена.

Здесь не только кожаные скользящие подметки, но, казалось, и деревья и дома с трудом удерживались на обожженной каменистой крутизне. Зеленые вершины гор из своей обманчиво-близкой выси снисходительно наблюдали, как все живое и рукотворное год за годом упорно цепляется за склоны, вместо того чтобы со свистом скатиться в море.

И дом с башней был с одного конца двухэтажный, а с другого — одноэтажный. На подъеме нижний этаж как бы уходил в землю.

У раскрытого окна в верхнем этаже стоял немолодой высокий мужчина в холщовой курт-

ке. Он глядел на ребят дружелюбно, но не без строгости.

Двое мальчишек, похожие на белых медвежат, деликатно отступили на шаг. Третий не двинулся с места.

— Пойдем, Шур... — позвал один из медвежат.

Шурка задрал голову, рассматривая незнакомого человека.

— Косая земля! — сообщил Шурка снизу, имея в виду основное свойство здешней местности. И для уточнения повел рукою вокруг себя.

— Очень косая! — с готовностью подтвердил незнакомец. — Прямой совсем мало, автобусы негде принимать...

Обе стороны помолчали.

— Ну, а из какого отряда? — спросил, наконец, мужчина.

— А мы забыли... — притворился Шурка.

— Замечательно!.. И кто же вы такие?

— Мы... — Шурка за-
пнулся. — Мы разведчи-
ки!

— Разведчики ведут на-
блюденье, используя есте-
ственные укрытия. Пере-
двигаются неслышно и не-
заметно! — четко опреде-
лил мужчина, будто про-
водил занятие.—А вы как
сюда явились? С воплем и
с грохотом. Остановились
на открытом месте. И вдо-
бавок налетели на самого
начальника лагеря.

Мужчина стукнул кост-
тяшками пальцев по подо-
коннику.

Шурка не особенно испугался, уверенный, что в день приезда лагерные строгости никак еще не могут быть в полной силе. Руками изобразил два захвата: обойти дом справа и слева!

Дмитрий Игнатьевич, начальник пионерлагеря, не успел и глазом моргнуть, как уже не было

слышно даже отдаленного шлепанья подметок. Ветер сдувал по склону облачко пыли.

За домом ребята встретились в кустах.

— Не выскочит? — спросил Шурка, недоверчиво оглядывая двухэтажный конец дома.

— Делать ему нечего — за нами гоняться...

— Смотрите, башня! — сказал Шурка.

Башня была восьмигранная, белая, с кирпичными, обломанными кое-где зубцами под самой кровлей. Одно из окошек было приоткрыто, створку раскачивал ветер.

— Стекла недавно вымыты, значит, туда залезть можно, — сообразил Шурка.

— Теперь вниз пойдём? — спросил младший из Шуркиных спутников.

— Надо идти мыться, — солидно ответил старший, — еще провороним...

— Ребята, — заторопился Шурка, — вы там место для меня поддержите, я еще дальше сбегая и сразу вернусь.

Шурка помчался вниз. Бегом, бегом!.. Он упивался простором. Вот только взять еще левее, чтобы по другой тропинке спуститься. Не по той, по которой поднимался.

Вдруг увидел стеклянный павильон с крылатой, словно взлетающей, крышей. У дверей, прямо на стекле, на огромном листе бумаги вывеска какая-то наклеена. Сейчас прочитаем:

ХРАМ НАУКИ

— это написано самыми крупными буквами. Буквы уже немного поблекли. Тушь от жары потрескалась. Следующая строка:

И ТЕХНИКИ

— буквы посвежее и чуть поменьше размером. А последняя строчка:

И НЕКОТОРЫХ ИСКУССТВ

— совсем свежая, яркая.

На краях листа рожицы изображены. Первая — в очках, на макушке знаки вопроса — ученый. Вторая — растрепанная, чумазая, гачный ключ в зубах — техник. А третья — театральная, с мрачным выражением маска, а под маской перекрещиваются рисовальная кисть и флейта.

«Вот пираты!» — радостно удивился Шурка и тут же разглядел, что стеклянная дверь закрыта, замотана изнутри толстой проволокой, стало быть, настоящий вход где-то за углом.

Он повернул за угол. И там, как в сказке, предстали перед ним... три живых пирата! Загорелые даже не до черноты, а до какого-то сизоватого шелушенья. В выцветших плавающих вышитыми якорями и штурвальными колесами.

Пираты прилаживали две небольшие коробки — на двух столбиках, слева и справа от дорожки, ведущей ко входу.

У левого столбика орудовал бритый пират, с острым лицом и маленькими пронзительными глазами. Его наголо обритую голову спасал от солнцепека бумажный шлем, сделанный из иностранной газеты с броскими заголовками. Шлем был маловат и все время сваливался.

Возле правой коробки колдовали двое.

У широкоплечего детины — с русыми кудрями и спутанной рыжеватой бородой — по ключицам и лопаткам змеилась рыболовная сеть с мелкими ячейками.

В облике третьего проступало нечто артистическое. Он курил трубку; темные волосы его были гладко зачесаны на пробор, а франтовские усики подкручены кверху.

Бритый был, по-видимому, страшно доволен собой и своей работой. Он выпускал, с небольшими перерывами, радостные звериные вопли. Вдруг он поднял голову и увидел Шурку:

— Ага, Глазело пришло!

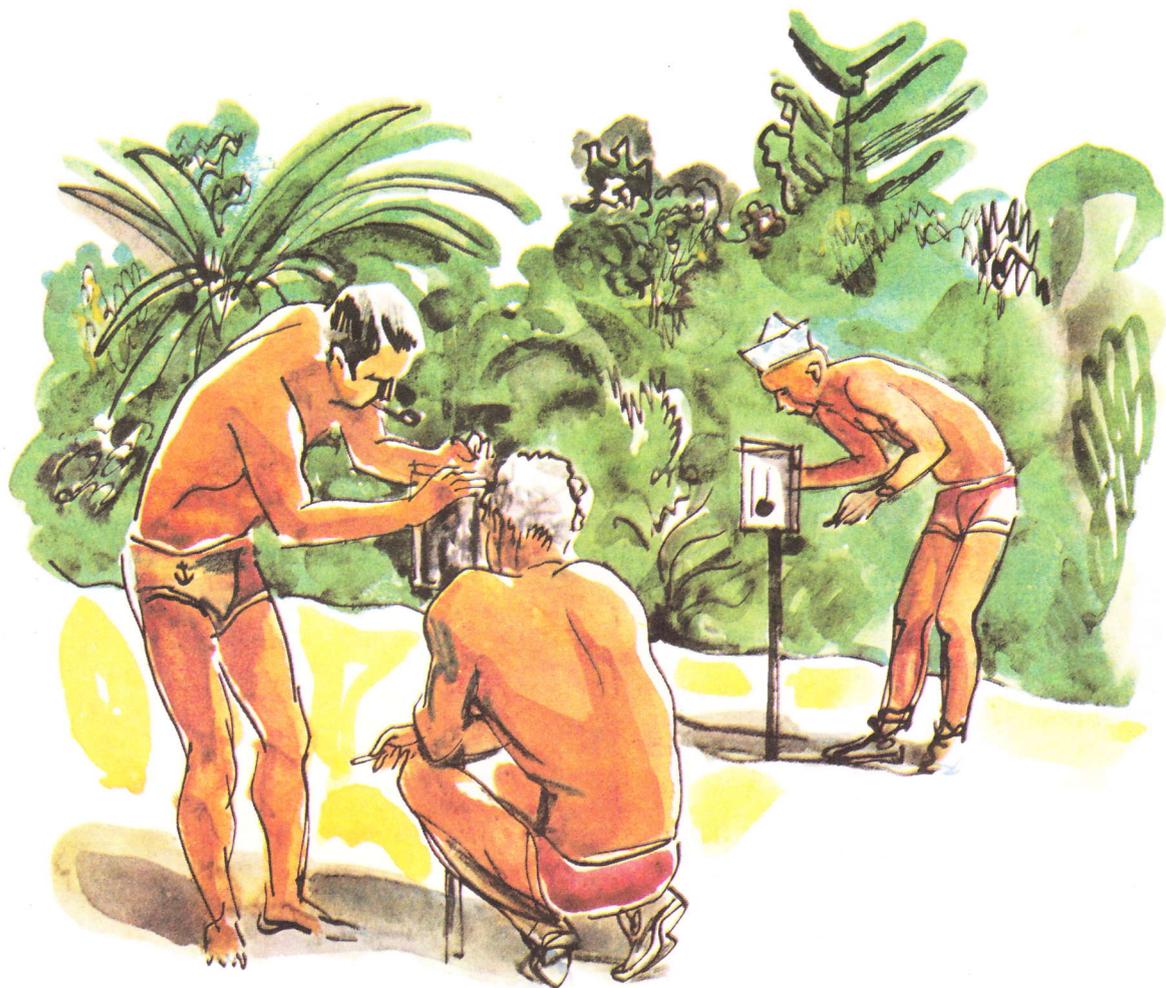
Бородатый обернулся, потом критически осмотрел себя, своих приятелей и сказал:

— Братья-разбойники, а можно бы уже и приодеться...

— У меня готово! — крикнул бритый и с треском захлопнул заднюю стенку своей коробки.

И тогда усатый мягко попросил:

— Мальчик, пройди, пожалуйста, по дороге между столбиками. Перед дверью остановись.

Пытаясь догадаться, в чем дело, Шурка двинулся по дороге. Прошел столбики. Ничего. Потом сзади, в коробочках, два раза щелкнуло. Шаг, еще шаг — опять ничего. Вдруг у дверей что-то слабо зажужжало, как испорченный звонок, который хочет зазвенеть, да не может. Еще два шага. Шурка уже занес ногу на преддверную ступеньку — и только тогда, наконец, стеклянные створки разъехались направо и налево. В глубине павильона на столах заманчиво поблескивала какая-то техническая всячина. Шурка вопросительно оглянулся.

— Нет, нет, дальше нельзя. Пока нельзя, — сказал усатый.

Стеклянные створки с присвистом захлопнулись.

— Ну, теперь почти то, что нужно! Почти до самого! — объявил бритый. — Срабатывает, но немного запаздывает. Я думаю — передвинуть на секунду раньше.

— Да... Ощущение преграды неприятно... Мне даже кажется — секунды на полторы... — сказал усатый.

Шурку опять перестали замечать. Секунда — и его как не бывало.

Камни с грохотом катились из-под его ног, подметки трещали. Где же душевая? Вон где — и толпа почти вся исчезла, девчонок — никого, мальчишек — только один отряд остался. И чей отряд? Чужой, отсюда видно: все не те ребята, с которыми в автобусе ехал, ведь еще на вокзале по отрядам разделили. А жоатая?.. Вот она, жоатая — наверно, из-за Шурки только и стоит. Издали увидела, бумажку разворачивает, ясно: фамилию хочет вспомнить. Как же ее зовут-то, жоатую? Необыкновенное такое имя-отчество!

— Горюнов Александр!

Шурка с разгону не сумел затормозить, поскользнулся — трах! — и растянулся, прямо под ноги жоатой, — ой!

Жоатая перестала хмуриться, наклонилась к Шурке. Тончайший румянец проступил на ее лице, и светлые, как золотой дым, волосы рассыпались по щекам.

— Больно?.. Входи скорее, ребята уже три минуты там... — она тщательно выговаривала каждое слово.

— Ничего, ерунда, я быстро, — забормотал Шурка, и вдруг вспомнил имя и отчество жоатой, — я быстрее всех постараюсь, Лайне

Антсовна, честное пионерское, я не задержусь!

И бросился туда, где уже плескался и визжал второй отряд.

Раздевалка, пустая и гулкая. Вот свободное место. Раз, два, три... — Шурка разделся, пробежал босиком, рванул дверь в душевую. Легкое облачко пара вылетело ему навстречу.

Шурка нырнул под освободившийся душ, ожесточенно заработал мочалкой, за несколько секунд покрылся с головы до пят белой шипящей пеной. Это самое главное, намылился — и сразу всех догнал. Теперь хоть мойся, хоть брызгайся, вода свое дело сделает, все мыло с тебя слижет.

— Тра-та-та-та-та! — раздались вдруг выкрики в подражание пулемету. Самые бойкие из ребят захватили толстые медные краны с разбухшими деревянными ручками.

Зажимая воду ладонями, они стали направлять друг в друга резкие кинжальные струи. Холодные, ледяные!

Наконец, один нахальный парень всех разогнал. Никто уже не мог подойти к соседним кранам.

Шурка зажмурился, бросился с выставленными вперед ладонями навстречу ледяному ожогу — ура-а!!! Вот это битва! Теперь посмотрим, кто кого! Он пустил воду тоже на полную мощность.

Ой, ой, караул! Шурка ужимался, подпрыгивал, словно его на сковороде поджаривали.

У того парня плечи — как две булки. Рот до ушей оскалил, уверен, что Шурку выгонит.

Шурка ухитрился сдвинуть струю выше, прямо в пасть жирному. Ага, сразу захлопнул, и глаза выпучил, чуть не захлебнулся...

Как же его фамилия? Брыкин — вот как, в автобусе еще говорил. Он уже там скалился и всех толкал. Полпачки печенья у одного мальчишки отнял и тут же слопал.

А на спуске с перевала, когда такие повороты начались, что дух захватывало — он своего тихого соседа сцапал за ухо, повернул лицом ко всем и завопил: «Смотрите, он боится, боится!» Сам, наверное, больше всех трусил.

Лайне Антсовна несколько раз говорила: «Брыкин, так нельзя! Брыкин, так нехорошо!» Потом подошла, взяла его за руку и пересаживала на другое место, рядом с собой.

Ни в игре, ни в драке Шурка терпеть не мог, когда за волосы, за уши, за лицо хватают. Еще в автобусе подумал: придется устроить взбучку этому Брыкину, чтобы рук не распускал.

И теперь нельзя было Шурке отступить, проиграть бой.

А ребята вокруг кричат: «Да брось ты его, хватит! Посинел весь! Околеешь от холода!»

И тут Шурку осенило. Свободной рукой он крутанул сначала один кран — убавил холод-

ную воду, потом дернул изо всей силы за другой — пустил кипяток.

Как завыл Брыкин, как отскочил от крана к другой стене!

— Ты что, — кричит, — ненормальный?! Рехнулся, да?!

А Шурка весь до того заледенел, что в первые мгновенья даже не почувствовал ничего. Только видит — пар пошел. Потом ладонь обожгло. Отбежал Шурка от крана.

— Молодец! — кричат ребята. — Здорово ты его! Мы уж думали — тебе крышка!

Подошел к Шурке один, говорит прямо в ухо:

— Ну, ты парень-гвоздь. Мы все за тебя болели. А меня Вовкой звать, Володей... Мой папа в лагере шофером работает, увидишь.

Шурка остудил руку под холодной струей до полной бесчувственности. И еще успел для удовольствия постоять немножко под душем.

Тут все повалили в раздевалку. Впрочем, на обратном пути ее правильной было назвать — одевалка.

Обедали молча — так проголодались с дороги. Потом стихийно начался сбор косточек от компота. Компот был густой — чернослив и абрикосы. Нахальный Брыкин утащил шесть косточек у своего соседа, розовощекого, медлительного, в очках — и, благодаря этой махинации, вышел на первое место.

После обеда помчались в палату захватывать койки.

Кто-нибудь может спросить: а зачем вообще их захватывать, если и так на всех хватает? К тому же, на этих совершенно одинаковых койках лежат совершенно одинаковые подушки, покрывала и простыни.

А смышленому человеку соображение подсказывает, что даже совершенно одинаковые койки все же не совсем одинаковы, например, в смысле их географического положения в палате.

Шурка бежал впереди всех.

Ребята уже знали, где их дом, по-здешнему — корпус. Но входить в палату до мытья и обеда Лайне Антсовна не разрешила, а все рюкзаки и чемоданы были пока оставлены в маленькой дежурной комнате.

Даже не взглянув на свой рюкзак, Шурка проскочил мимо дежурки и первым встал в дверях, упираясь руками и ногами — с твердым намерением не пропустить никого, пока не высмотрит для себя самое лучшее место.

Так. Койки стоят двумя длинными рядами. Правый — вдоль наружной, стеклянной стены, это — кто любит у окна! Левый — вдоль внутренней стенки, без окон.

Вдоль прохода раскатана полосатая сине-

зеленая дорожка. Она доходит до короткой дальней стены с одним небольшим оконцем. Куда же выходит это оконце?

Шурку уже хватили за руки и за ноги, пытались протолкнуть в двери, или выдернуть из дверей, или пролезть у него под мышкой.

Посыпались компотные косточки, принесенные в кулаках; защелкали по полу. Подошедшая Лайне Антсовна сразу определила, кто виновник всей этой заварухи, и строго скомандовала:

— Горюнов! Не мешай!

Толпа, ободренная этим возгласом, подняла и втолкнула Шурку в палату.

Шагов десять он пролетел от одного только этого толчка, но и потом не остановился, а со

всех ног помчался дальше. Он уже знал, куда: к самой последней койке, возле единственного окошка на дальней стене.

Окошко это оказалось не простое — цены не было этому окошку! Тропа, поднимающаяся снизу вверх, от корпуса к корпусу, проходила под самым этим окошком. Прямо с койки можно было высунуться и посмотреть — кто там ходит-бродит, от взморья до взгорья.

А вся правая, стеклянная сторона была обращена к другому спальному корпусу, точь-в-точь похожему на этот. И, кроме соседнего корпуса, ничего интересного оттуда не было видно.

Едва только он успел положить руку на кроватную спинку, как его уже тряс за плечо прибежавший следом за ним веснушчатый растрепанный мальчишка.

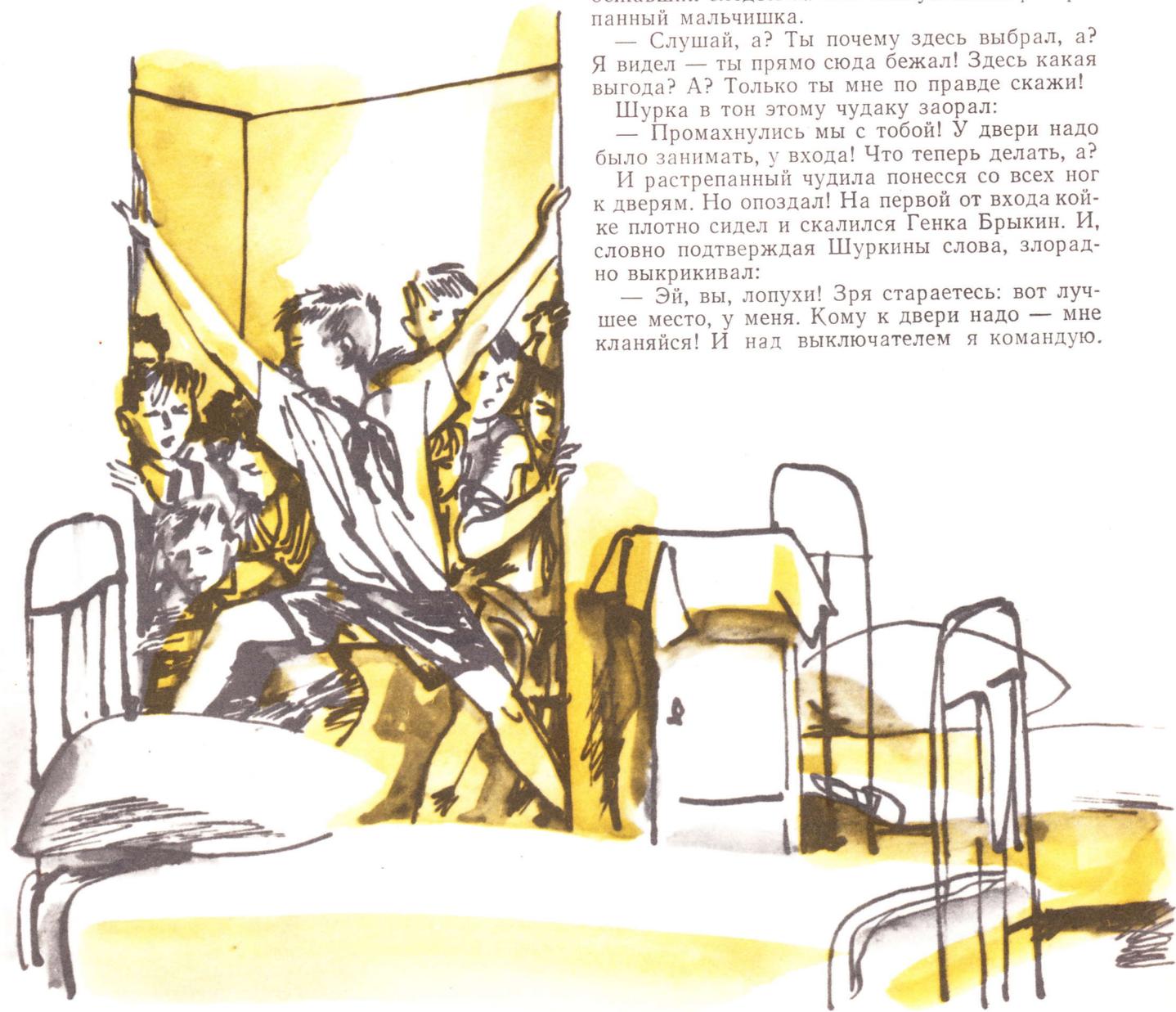
— Слушай, а? Ты почему здесь выбрал, а? Я видел — ты прямо сюда бежал! Здесь какая выгода? А? Только ты мне по правде скажи!

Шурка в тон этому чудаку заорал:

— Промахнулись мы с тобой! У двери надо было занимать, у входа! Что теперь делать, а?

И растрепанный чудила понесся со всех ног к дверям. Но опоздал! На первой от входа койке плотно сидел и скалился Генка Брыкин. И, словно подтверждая Шуркины слова, злорадно выкрикивал:

— Эй, вы, лопухи! Зря стараетесь: вот лучшее место, у меня. Кому к двери надо — мне кланяйся! И над выключателем я команду.

Захочу — в потемках будете раздеваться. Захочу — спать при свете заставлю!..

Шурка усмехнулся. Это мы еще посмотрим — кто кому будет кланяться. И вообще — будет ли у нас заведено, чтобы кто-то кому-то кланялся...

Из-за тубетейки, позабытой веснушчатый, кровать по соседству с Шуркой так и осталась незанятой.

Суматоха «захвата владений» постепенно утихла, началось молчаливое освоение тумбочек. Шурка обернулся: кто из ребят устроился поблизости?

Двумя койками по ту сторону прохода завладели «белые медвежата» — уже знакомые Шурке братья-сибиряки, Арсений и Никифор. Степановичи — как они сами себя называли. Шурка в автобусе ехал рядом с ними.

Братья не были близнецами. Арсений на год опередил Никифора. Родители их совсем недавно перебрались из деревни в город. Деревенский опыт подсказал отцу и матери житейскую хитрость: придержать «старшенького» лишний год в семье, чтобы следующей осенью братья начали учиться в одном классе; вместе будут уходить в школу, вместе вернутся и пообедают, вдвоем быстрее раскусят трудную задачу, да, глядишь, и учебником одним на двоих обойдутся.

Арсений всегда был за старшего, но притом относился к Никифору с полным уважением. Ссориться, досаждать друг другу, выставлять друг друга на посмеище считалось в их семье верным признаком беспросветной дури.

Со временем выяснилось, что Никифор, освобожденный братом от мелких тревог и забот, лучше учится, быстрее схватывает книжную премудрость. И тогда Арсений во всем, что касалось учебы, стал полагаться на младшего брата.

Третьим соседом Шурки — через никем не занятую койку — оказался Володя, Вовка, сын здешнего шофера. С ним Шурка познакомился под душем.

Во все время дележа коек и тумбочек в двух стояла, не двигаясь с места, Лайне Антсовна. Смотрела, улыбалась и хмурилась.

Улыбалась она потому, что ей самой было только девятнадцать, и часто еще хотелось бегать наперегонки и смеяться по пустякам. Работа с детьми ей нравилась, она vybrала, не раздумывая, педагогический институт и всего месяц назад сдала экзамены за первый курс. С первых дней лета она уже была здесь, за полторы тысячи километров от родного дома, и долго-долго не уедет отсюда, до самого конца третьей смены.

Хватало поводов и для того, чтобы хмуриться.

Вот двое ребят затеяли драку из-за самодельного деревянного пистолета.

Разнимал дерущихся неуклюжий мальчик, плотный и рослый, со свекольным румянцем во всю щеку и в очках с такими сильными стеклами, что иногда на его лице блестели сразу четыре темных глаза: два нормальных и два увеличенных.

Парень он был, судя по всему, добродушный. Просто по своему складу терпеть не мог возни и крика. Лайне Антсовна подошла к драчунам — они с опаской отскочили в разные стороны, и обратилась к мальчику в очках:

— Еще не запомнила... как тебя зовут?

— Петр... Павлов... — после некоторого молчания ответил он густым сумрачным голосом.

Ребята вокруг заулыбались — так солидно он себя назвал. Лайне Антсовна улыбнулась тоже, ничего больше не сказала, и в ожидающей тишине вдруг раздался за ее спиной сварливый голос Брыкина:

— Ну вот... новый председатель совета отряда родился...

Такая зависть прозвучала в его словах, что все в палате откровенно рассмеялись.

Тут еще поддал жару сосед Брыкина. Он с каким-то суматошным сочувствием стал допрашивать Генку:

— Слушай, а ты хотел, чтобы тебя, да? Председателем, да? Слушай, только скажи мне по правде, а тебе какая выгода? А?

Не зря старался Генкин сосед, задавая свои вопросы. Вскоре его стали называть Саша-хитрый. А потом Петя Павлов получил прозвание Петропавловский, и ребята из других отрядов были уверены, что Петропавловский — его настоящая фамилия.

За несколько дней отличился чем-нибудь чуть ли не каждый в отряде. А отряд, в котором есть особенные люди — уже не просто скопление народа, по списку, от А до Я, — нет, это уже настоящий отряд — совместное соображение и совместная зоркость, превосходящие ум и наблюдательность каждого в отдельности. Вот мы идем по этой дороге, — а кто такие вы, идущие нам навстречу? Может, вы просто толпа, и все одинаковые, как шарики из подшипника? А если не так — подавайте сюда скорее ваших чудачков и удальцов, а мы выставим своих, и еще посмотрим — кто кого пере-чудачит и кто кого перехрабрит!

Он все не кончался, этот первый, самый долгий по впечатлениям день. Была еще в предзакатный час короткая торопливая прогулка к морю.

Так случалось в Ключевском ежегодно во все три смены: хотя торжественное знакомство

с морем происходило утром второго дня, все-таки в день прибытия каждый отряд выбегал на минуту к полосе прибоя — пробовали рукой темную воду, смотрели на низкое, огромное солнце — и с тайным разочарованием убежали ужинать.

Чудо совершалось наутро, в десятом часу. На берегу ласкал босые пятки прогретый, ослепительно белый галечник. А волны до горизонта были глубокого сине-зеленого тона; зато ближняя вода, пронизанная танцующими светлыми бликами, казалась прозрачной, как воз-

дух. Можно было сосчитать прожилки на каждом камне, чешуйки на каждой водоросли.

И кто-то уже вступал зачарованно в эту воду, по круто уходящему галечному дну, с намерением поднять рукой вон тот, совсем близкий камешек с оранжевой прожилкой. А глубина над камешком, на самом-то деле, была два с половиной метра, и «зачарованного» еле успевали схватить под мышки и вытащить на мелкое место.

Никто во втором отряде особенно не торопился в палату — но стоило только войти,

почувствовать свет, скинуть одежку — и глубочайший сон навалился на каждого, кто успел прикоснуться к подушке.

Вскоре Шурка Горюнов оказался единственным неспящим человеком в палате.

...Были в городской жизни Шурки кое-какие обстоятельства, которые приучили его засыпать самым последним, когда в комнате, наконец, становится по-настоящему тихо.

Не очень благополучно складывалось все у него дома. После того, как с его помощью устраивались на ночь двухгодовалый Васька и пятилетняя Танюшка, ему приходилось тратить еще много нервов, чтобы их не разбудили, дали им по-человечески выспаться.

И сейчас, хотя Шурка знал, что целый месяц будет свободен от своей ежевечерней заботы, хотя устал он ничуть не меньше других ребят — все же не удавалось ему уснуть сразу.

Брат и сестра доверяли Шурке как никому другому. К нему первому бежали со своими открытиями и волнениями. Даже если что-нибудь болело, Шурке докладывали прежде всего, уверенные, что он моментально определит, как тут быть. И какой рев поднимался, когда Шурка убежал поиграть во двор или отправлялся к товарищу готовить уроки!

Сейчас и Танька и Васька были за городом. Так повезло, что детсадская дача оказалась в одном поселке с ясельной, дом от дома — полкилометра.

Шурка уже сегодня послал открытку с точным здешним адресом. Велел сестре немедленно написать, как им там живется.

Буквы Танюшка знала, так что с письмом она должна была справиться, лишь бы только воспитательница написала на конверте адрес.

...И еще одна причина заставляла Шурку таращить глаза. Сине-фиолетовым светом мерцала дежурная лампочка.

В душе он был страстный путешественник, а вот в жизни почти никуда не ездил.

И только два человека знали о его страсти: старичок школьный библиотекарь, у которого Шурка всегда спрашивал журнал «Вокруг света», и, конечно же, закадычный друг и одноклассник Леша Кузьмин.

С Лешей-то они не сидели сложа руки. С Лешей были разведаны и освоены два прекраснейших далеких маршрута — и притом совершенно доступных. Два трамвайных кольца! И всех-то дел — сесть в вагон на остановке у самого дома и ехать безвылазно тридцать пять или сорок минут. Главное — не упускать тех редких случаев, когда можно вдвоем, не выходя дома особых подозрений, исчезнуть на два-три часа.

Первый путь лежал к одному из городских парков, а точнее — к его дикой половине. Деревья и кусты росли там группами, как будто собравшись для беседы, поляны переходили одна в другую и выводили к речушке, огибавшей весь этот заповедник. А еще там был маленький пруд с высокими берегами, кусок заброшенной мощеной дороги из никуда в никуда и разрушенный мост посреди одной из полян, когда-то соединявший два одинаковых бугра. От ручья, протекавшего между буграми, давно уже не осталось и следа.

Другой трамвай вывозил приятелей в старую пригородную зону, застроенную почерневшими, в большинстве — двухэтажными деревянными домами. Дом от дома отделяли огородные полосы, уходившие в сторону дикого поля. Само это поле, повышаясь, переходило в холмистую грядку, с которой отлично просматривались ближний край города и самые высокие из его дальних строений. Хорошо было кувыркаться, бегать и загорать на этих холмах.

Разумеется, и в огромном каменном квартале, где жили друзья, и на всем их бесконечно длинном проспекте, шумном и людном, было множество интересных мест и закоулков.

Шурка любил свой проспект, принадлежал ему, был его частью.

Что-то замирало и холодело в нем от восторга в те сумеречные мгновенья, когда вот-вот зажгутся фонари, а пока светятся только витрины и неоновые надписи, и в стремительно несущемся потоке все лица, все голоса так загадочны и зовут за собой.

Набегают из мрака троллейбусы — светящиеся серо-сине-стеклянные зверюги, с шипением приседают на все четыре лапы, заглатывают огромную толпу на остановке и мчатся дальше...

Да, Шурка любил свой проспект. Но в душе его накопилась жажда простора, дальних горизонтов, голубого и зеленого раздолья природы.

Надежда набегаться всласть, предчувствие надвигающихся открытий томили его еще в поезде. Не слыша дорожных разговоров, как глухой, метался он поперек вагона, от того окна к этому.

Потом, прилипнув к автобусному стеклу, жадно рассматривал медленно поднимающийся в гору однообразный суховатый лесочек. И вдруг вскрикнул: все осталось позади, словно обрушилось в бездну — глубоко внизу белели коробочки санаторных корпусов, кудрявились темно-зеленые комочки деревьев, сверкали между ними разноцветные кусочки эмали — крыши легковых автомашин. А еще дальше, еще глубже — так, что сосущая пустота возникла где-то под ложечкой, — синело море.

И на эту новую планету автобус теперь плавно-плавно опускал путешественника Шурку. Окно вагона, окно автобуса... Вся поездка стала для Шурки окном в другую возможную жизнь. Сегодня целый день он упивался простором. Даже сейчас, в сине-фиолетовом полумраке палаты царил простор — от стены до стены, и в длину, и до потолка.

Шурка поднялся, шагнул к окну, раскачал пальцами задвижку, тугую от масляной краски, и медленно открыл створку. Доносившееся все время в палату неумолчное стрекотание сразу стало намного громче. Стрекотали, надрываясь до звона — нет, не кузнечики, а какие-то неведомые, неистовые существа.

Тут, однако, маленький легкий музыкант, прямо из темноты природы, прыгнул Шурке на руку, исполнил свою трель и в панике кутырнулся обратно на землю...

Чуть виднелась невысокая ограда, а за нею, в плотной листве, пересыпались золотыми искрами огни далекого курортного поселка. Со вздохами ветра обрывками долетала музыка.

Шурка закрыл окно, опустился на койку и, едва коснувшись головой подушки, заснул так же мгновенно, как полчаса тому назад заснули все остальные ребята.

Однажды утром, незадолго до купания, Шурка увидел ярко-красную легковую машину, промчавшуюся через лагерные ворота.

Толпа ребят бросилась за машиной, с удовольствием вдыхая на бегу едкий зловредный дымок пополам с пылью.

Когда Шурка с ребятами, уже заспорившими насчет марки автомобиля, подбежал к дому с башней, дверца машины открылась. Вышли двое: мужчина — водитель этого диковинного автомобиля, и мальчик, ровесник Шурки.

— Сергей, стой пока тут! — сказал водитель, весело оглядывая собравшихся ребят, и направился в дом, наверное, прямо к начальнику.

Мальчик кивнул головой, кашлянул и остался стоять у дверцы, держась за сверкающую ручку. Не зная, куда смотреть, он стал разглядывать светлые камушки у себя под ногами. Из глубины машины на мальчика сочувственно посматривали две женщины и девочка лет шести.

Все это Шурка ухватил краем глаза, но главное его внимание было обращено на машину.

С пяти шагов все-таки было ясно, что машина — самодельная. Обтекаемые части кузова по гладкости уступали заводским, а ослепительно-красная, в затененных местах малиновая, поверхность — все же не так зеркально отполирована, как на машине с конвейера.

Но уже с десяти шагов — Шурка специаль-

но отошел, чтобы проверить — с десяти шагов машина-выглядела совершенно как заводская. Отлично были сделаны все хромированные детали, и фары необыкновенной формы, и ветровое стекло, по-особенному выгнутое.

Шурка уважительно спросил:

— Сами делали?

Новичок только кивнул головой.

Отец крикнул ему со второго этажа:

— Сергей! Давай сюда, сразу к врачу зайдем!

При этих словах Шурка испытал известное удовлетворение от того, что и опоздавшим не миновать медосмотра, что им тоже прижимают язык ложечкой и водят под лопатками холодной щекотной трубочкой.

В каждой смене существуют общелагерные знаменитости. Шурка с безопасного расстояния показал Сереже одного парня. Запомнить его было нетрудно: длинная, нескладная фигура и реденькая, до самых глаз доходящая челка:

— Это тот самый Гошка Филимонов!

Гошка был жутким задирой из отряда старших пионеров. Они устраивали среди огромных валунов «партизанские засады».

Филимонов хватал младших за шиворот и с хохотом кричал:

— Ребята! Смотрите — кого поймал! У него еще все зубы молочные!

Между прочим, Шурка не догадывался, что и сам уже был знаменитостью.

По традиции, каждую смену, вечером второго дня, в гости к ребятам приходили пограничники. Заранее ничего не объявлялось, но в зеленых густеющих сумерках трубы внезапно трубили общий сбор.

Сначала выступал начальник заставы. Потом шли вопросы. Девчонки все спрашивали насчет овчарок — чем их кормят, играет ли с ними кто-нибудь в свободное время и где живут знаменитые овчарки в старости.

Мальчишек больше интересовала новая техника, и тут они без всякого злого умысла поминутно вторгались в область военной тайны. Начальник заставы с хитрой усмешкой говорил: «Вот подрастете, приходите к нам слушать и все узнаете...»

И тут вдруг вылез вперед Шурка со своим ни на что не похожим вопросом:

— А вот я видел... далеко отсюда, у берега... Там в деревьях домик такой незаметный спрятан, зеленый... И, наверное, провода к домику подходят, потому что под крышей две белых штучки — изоляторы...

Начальник заставы, прищурившись, выслушал вопрос и спросил сам, будто размышляя вслух:

— Изоляторы, говоришь? Гм... Не думаю,

чтобы с лагерной территории можно было этот домик увидеть...

Со стороны казалось, что никакой особенной заминки не было, просто Шурка долго набирал воздух для ответа. Вот он слегка нахмурился и веско, не торопясь, вымолвил:

— Я с дерева видел, вон там, за оградой, повыше столовой...

Конечно, получалось не очень хорошо — в самом начале смены убежать за ограду да еще залезать там на какие-то деревья. Но вообще-то разрешалось выходить за ограду и футболистам — для тренировок, и духовому оркестру — для репетиций, и юннатам — по их научным надобностям.

— С дерева? — переспросил начальник заставы, еще раз внимательно оглядев Шурку, словно оценивая его возможности. — Ну, что ж... Очень может быть.

И, обведя взглядом скупаемых любопытством мальчишек и девчонок, с улыбкой добавил:

— Есть такой домик, это верно. Зеленый, среди листвы. Когда-то, много лет назад, это был важный для нас пост. Ну, теперь совсем другая техника.

Обрадованный, что все обошлось благополучно, Шурка поспешил скрыться в толпе. Проводив его взглядом, начальник заставы сказал ребятам:

— А товарищ ваш — молодец. Увидеть — полдела, надо еще и соображение иметь. Вот он догадался, что к домику идут провода, хотя не мог их разглядеть на таком расстоянии.

Тут Шурку, очутившегося уже в последних рядах, все стали дружески подталкивать. Он обернулся, но не понял, что речь шла о нем, не расслышал.

Так Шурка и прозевал мгновение, когда прославился на весь лагерь...

Ведь на самом-то деле ни на какое дерево Шурка пока еще не залезал. И никаких нарушений совершать не хотел. А просто все само вышло.

На второй день, вскоре после завтрака, он отправился в дом с башней — к дежурной медсестре. У него распухла коленка, ушибленная еще вчера.

Но на втором этаже ему попала на глаза приставная лесенка в три ступеньки, а над ней — дверь, несомненно ведущая в башню.

Всунутый в петли замок не был зашелкнут.

Моментально забыв про свое колено, Шурка подлетел к двери, беззвучно снял замок и повесил его на торчащий рядом гвоздь. Потом скользнул за дверь и плотно притворил ее за собой.

Два марша по шесть ступенек вывели его в залитую светом восьмигранную комнату с хлипким дощатым настилом.

Ему повезло — да еще как! Взгляд сверху, с башни, открыл и объяснил Шурке все, что было по соседству с лагерем.

Словно летчик, идущий на посадку, он ясно разглядел кривые деревца за оградой, белеватые валуны, пути и переходы, полянки и ложбины за кустарником; сообразил, где — скучно, где — интересно, куда и как лучше пройти. Потом перевел взгляд выше — и увидел самое главное. Перед ним открывался вид на верхнюю береговую тропу.

Тропа начиналась здесь, у самой ограды, и уходила вдаль, то поднимаясь над морем, то сбегая ближе к нему.

Собственно, никакой нижней береговой тропы и не было. Полумесяцы галечных берегов окаймляли бухточки. Но их отделяли друг от друга врезанные в море скалистые мысы.

И тропа, объединившая берег и открытая теперь Шуркиному взору, была самым близким к морю из всех возможных для пешехода путей.

Зимой по тропе ходили только пограничники, совершающие обход, но летом ее утаптывали и расширяли неутомимые «дикие» туристы.

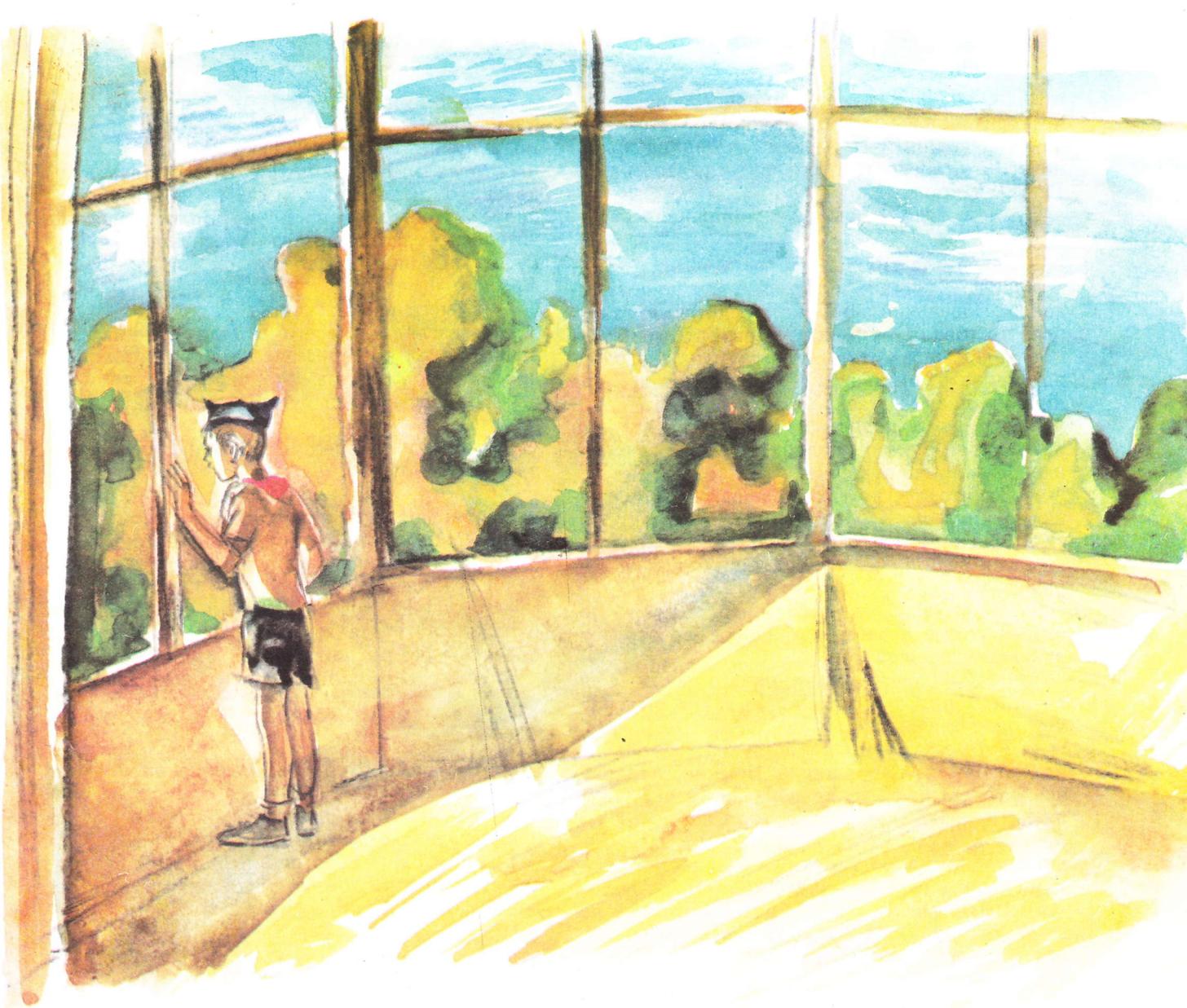
Шурка глядел, глядел... Какая-то мысль вертелась у него в голове, но никак не могла проясниться — и вдруг он понял, что эти самые вытопанные в траве песчаные пятачки, так ясно различаемые отсюда — как раз и обозначают местоположение четырех родников, или четырех ключей, от которых весь здешний берег получил название Ключевского.

Тропа обрывалась перед группой больших и пышных деревьев. И когда Шурка присмотрелся к этим деревьям повнимательнее — среди стволов проступил новый контур, словно в загадочной картинке, — ни дать ни взять избушка на курьих ножках — зеленый, под цвет листвы, дощатый домик на четырех опорных столбах. Зеленый домик с какими-то белыми штучками под крышей. Шурка догадался — это изоляторы для электрических проводов.

Позади домика поднимался обрыв — каменная стена высотой в пятнадцать или двадцать этажей. Граница земли и неба шла ровно, как ножом отрезанная, по верхнему краю стены, пока не обрывалась под прямым углом в море.

Ничего ласкающего глаз не было на этой ровной линии: ни дома, ни деревца — только одна крохотная черная точка. Чем напряженнее Шурка всматривался в эту точку, тем хуже ее видел. Наконец у него в глазах заребило, замерцало. Шурка отвел взгляд, моргнул несколько раз — точка снова вынырнула...

И тут он обратил внимание: точка на горизонте приходится как раз над самым домиком! И значит, отыскав ее глазами, Шурка наверняка будет знать, где домик! Ничего, что он скрыт за буграми, кустами, деревьями.

Кажется, какой пустяк — точка. Какая малость! Но для Шурки она приобрела теперь особое, новое значение. Она стала для него тем, что на языке географов и военных называется словом ориентир.

...Сколько времени он пробыл в башне? Пять минут или час? Шурка выскочил на приставные ступеньки, продел замок в петли, как было. Уфф! Кажется, обошлось!

Серезу Девятова определили во второй отряд. Между ним и Шуркой как будто почувствовалось взаимное притяжение.

Генка Брыкин ревниво прислушивался к их разговорам. За ужином нарочно сел рядом с новичком. Вертелся как на иголках. Наконец, по-приятельски толкнув Серезу в бок, выпалил:

— Слушай! А вот как ты думаешь: если взять пчел и все время скармливать им одно какао, будет у них получаться шоколадный мед?

Сереза на секунду округлил глаза, потом оглянулся и подвинулся к Генке. Генка с готовностью подставил ухо.

— А ты попробуй!.. — звенящим шепотом выдохнул Сереза.

Генка побагровел. Мысли его прыгали, как крышка на кипящем чайнике. Ну ладно, ладно... Ты у меня попомнишь... задавала... Ты у меня попомнишь Брыкина!

Он пыхтел и громко скоблил тарелку.

А выходя из столовой, орал и толкался сильнее, чем обычно. Видно было — сам себя разжигает. Он, как будто нечаянно, подставил ножку Пете Павлову, а тот, падая, схватился руками за Шурку, и оба повалились. Шурка

отлично видел, как все было подстроено, но тоже притворился, будто принимает этот случай за нечаянный. Поднялся с земли, не сказал ничего и стал долго отряхиваться, чтобы дать Генке уйти вперед.

Судя по всему, Брыкин «напрашивался».

И вот, после отбоя...

Впрочем, сначала никто ни о чем не догадывался. Новенький занял койку, которая до сих пор пустовала — между Вовой Угловым и Шуркой. Сережа открыл чемоданчик, выложил на кровать мыльницу, зубную щетку, две книжки, ласты и маску.

Быстро, чуть подпрыгивая на ходу, деланно размахивая руками, подошел Генка. Лицо его изображало возмущение.

— Ты что, всегда так делаешь? — угрожающе крикнул он. — Пришел на чужое, не спросил и раскладываешься?

— Да ведь я... — хотел было объяснить Сережа.

— Не слышал, что я сюда перехожу? — пытаясь голос, перебил его Генка. — Тебе отдельно надо говорить?

Это было наглое вранье, ничего никому Генка не говорил о переходе. Но таков был расчет: ошеломить!

— Что, уже руки не действуют? Помочь? — издевательски допрашивал Брыкин, надвигаясь на Сережу. Тот, не понимая, в чем дело, пятился назад, пока не налетел на свою тумбочку.

Генка нехорошо усмехнулся и двумя взмахами руки смел все вещи с кровати на пол.

— Подними! — вдруг приказал кто-то у него за спиной. Генка не спеша обернулся, увидел по-воробьиному взъерошенного Шурку. Медленно двинулся к нему. Теперь Шурка пятился назад, выманивая Брыкина из прохода между койками на широкую «улицу», покрытую полосатой дорожкой.

Шурка отходил до тех пор, пока Брыкин не ступил на дорожку. Решали доли секунды. Шурка плотным комком метнулся вперед.

Не успев ничего сообразить, Генка грохнулся на пол. Он попытался тут же вскочить, но увидел перед собой еще Арсения, Никифора и Вовку. Сидя на полу и задрвав лицо кверху, плаксиво спросил:

— Четверо на одного?

И вдруг с необычайным проворством, словно неизвестное науке ракообразное, переступая руками за спиной и отталкиваясь пятками, отъехал к середине палаты. Там он вскочил на ноги и крикнул:

— Ну, все, Горюнов! Только выйди завтра на улицу! Все, конец! Пиши завешание!

— Вернись, подними! — негромко, но внятно произнес Шурка.

Брыкин захлебнулся, не зная, какое из ругательств пустить в первую очередь.

— Подними, подними! — веско добавили Степановичи, а Вовка кивнул головой. Все они подвинулись в сторону Генки.

И тогда Брыкин вернулся. Шел он теперь без подскоков и не махал руками. Ребята расступились, чтобы не мешать ему. Больше всего не хотелось Генке поднимать треснувшую крышку от мыльницы. И только он взялся за нее, Арсений заметил:

— Ничего, свою отдашь...

Под взглядами всего отряда Брыкин вторично дошел до середины палаты. Остановился и сказал куда-то в потолок:

— Бандиты! Весь угол бандитский подобрался!

Тут он заметил рядом с собой Петю Павлова и грубо добавил:

— Протри очки, председатель! Бандиты людей избивают, а ты не видишь!

Петя улыбнулся и машинально протер очки.

Шурка, нарочно повернувшись спиной, бросил через плечо:

— Слушай, Брыкин! Забыл сказать. Если будешь хвататься за выключатель, когда не просят — без рук останешься. Понял?

Вместо ответа палату огласило невнятное урчание.

В этот вечер Шурка особенно долго не мог заснуть.

Завтра Брыкин ползет мириться, будет предлагать союз. Это — как пить дать.

Теперь можно подумать и обо всем другом. Он вздохнул. Вспомнил: береговая тропа, зеленый домик среди деревьев...

Поделиться не с кем — вот беда! Если бы нашлся человек, понимающий Шуркины переживания!

Степановичи хорошие мужики, но уж очень серьезные.

Может быть, новенький? Но к нему надо еще присмотреться...

Сюда бы теперь из города Лешу Кузьмина. Эх, Лешка, Лешка, друг верный! Да, Лешке не надо было бы объяснять, что значит неисследованная береговая тропа...

И просто удивительно, что во всем Лешином доме, когда понадобилось, не нашлось одной необходимейшей вещи: бинокля!

Однако на ловца, говорят, и зверь бежит. Как-то в классе отзывает их в угол Мишка Сигаев. Открывает ранец, а там — большой настоящий бинокль. Только у него соединение испорчено, обе половинки вокруг оси болтаются.

Считая бинокль совсем сломанным, тетка отдала его Сигаеву. А он копил деньги на новый велосипед. И вот твердо объявил Шурке и Леше: пятерку, пять рублей.

Сначала была надежда на Лешиных родителей, но они только замахали руками, узнав, что бинокль сломан.

Счастье повисло на волоске.

Пришлось лихорадочно собирать деньги. Леша без конца выпрашивал на кино и на мороженое. А у Шурки дома часто бывало так: сорок копеек на краю стола и записка: «Пообедай сам».

Копейки без остатка шли в общую кассу, но Леша заботливо подкармливал Шурку колбасой, булкой с маслом и пряниками.

И долгожданный день наступил. После уроков два приятеля забрались на чердак соседнего дома. Из чердачного окна, выхватывая друг у друга из рук пупырчатую на ощупь драгоценную тяжесть, они совершали открытие за открытием...

Решено. Завтра же отправить письмо — пусть высылает бинокль.

С этой мыслью Шурка и уснул.

Сочинение письма отняло неожиданно много времени. Когда писал открытку сестре — много не раздумывал. А тут заедали сомнения — то грамматические, то по существу дела.

Шурка вздыхал: вот бы можно было передавать мысли на расстояние, из головы в голову...

«Леша, здорово!» — написал он на самом верху страницы. После долгого размышления появилась вторая строка:

«Леша, тут здорово!»

Шурка прочитал обе строки и рассердился. Не успел начать, а уже не поймешь, где «здорово», а где — «здóрово». Крупно, с нажимом он поставил ударения.

Однако, как тут здóрово — Шурка выразить не умел. Великолепие мира стояло у него перед глазами, но не желало заталкиваться в письмо. Тогда он вздохнул и прибавил:

«Но я без тебя скучаю».

Это Лешка почувствует! Сам небось тоже скучает. Ладно, пора переходить к делу.

«Леша, пришли мне в посылке наш бинокль. Очень нужно. Тут не пропадет. Я назад привезу и не поцарапаю. Честное слово».

Шурка остановился, задумался. Посылка-то не письмо. Посылки по документам получают. Кажется, паспорт надо?

Шурка пошел искать Лайне Антсовну.

Как два серьезных человека, они обсудили со всех сторон возникшую трудность. Решили, что посылка должна идти на имя Лайне Антсовны. Так надежней. Она получит и отдаст Шурке.

Всегда бы так можно было говорить со старшими!

Генкино поражение оказалось важным событием в жизни второго отряда. Когда наутро, в виде опыта, Брыкин попытался обидеть Вадика, самого тихого и маленького во всем отряде — Вадик сжал кулачки, сощурил глаза и предупредил:

— Что, тебе мало было? Мы еще добавим!

Брыкин вздрогнул от этого неожиданного «мы». Он обожал слово «мы», когда с подчиненной оравой шел «брать за жабры» кого-нибудь. Но вот дело обернулось так, что «за жабры» могут взять его самого.

После целого часа тяжелых раздумий он подошел к Шурке, осторожно хлопнул его по руке и сказал, заглядывая в глаза:

— Слушай, хватит ерунду разводить, давай мириться! Уговор для начала такой: ты пока будешь командир, а я — твой адъютант...

В предложении была дипломатическая тонкость. Брыкин надеялся, что Шурка, по своему великодушию, предложит в ответ должность начальника штаба.

Шурка, однако, недоверчиво оглядел Брыкина и хмуро заметил:

— У адъютанта, знаешь, какая дисциплина должна быть? Во!

Генка скис.

— Да я — что? Разве я не могу? Я тоже могу — во!

Вечером, после отбоя, едва только ребята улеглись, Шурка внятно сказал:

— Гена, выключи, пожалуйста, свет!

Брыкин, без единого слова, выбрался из постели, щелкнул выключателем.

Продолжение следует

СООБЩЕНИЕ ПО ЭКСПЕДИЦИИ „ГИДРОГРАФ“

За постоянные и точные наблюдения погодных условий присвоить звание «Лучший синоптик экспедиции «Гидрограф»:

1. Коле Поповину, командиру отряда «Бриз-5» (АС-132), п/отд. Н. Березовец Костромской области.

2. Серее Соколову, командиру отряда «Альбатрос» (РШ-50), с. Юледур Марийской АССР.

Штаб экспедиции

Стачки, митинги, демонстрации, забастовки — как никогда частыми стали они в России к лету 1902 года. По всей стране возникло множество подпольных социал-демократических организаций. Все говорило об одном: приближалась революция.

В таких условиях социал-демократам надо было объединять свои силы, принимать единый план действий. Для этого Ленин и его соратники решили провести партийный съезд.

Подготовка к съезду была кропотливой и полной опасностей. Только следующим летом, в июле 1903 года, съезд смог собраться.

Нечего было и думать о том, чтобы устраивать его в России: могла разузнать полиция и с радостью арестовать всех революционеров разом.

Безопаснее всего было собраться за границей. Например, в столице Бельгии, в Брюсселе.

Явка была назначена на квартире Кольцова, социал-демократа, эмигрировавшего из России. «Но после того, как к нему пришло штуки четыре россиян, квартирная хозяйка заявила Кольцовым, что больше она этих хождений не потерпит и если придет еще хоть один человек, пусть они немедленно же съезжают с квартиры. И жена Кольцова стояла целый день на углу, перехватывала делегатов и направляла их в социалистическую гостиницу „Золотой петух“, — писала Надежда Константиновна Крупская.

Для заседаний сняли огромный мучной склад. Ораторам сделали подобие трибуны. Окно рядом с трибуной затянули красной материей.

Тринадцать заседаний провели делегаты. Подробно обсудили и приняли программу работы партии на много лет вперед. Но по городу пошли разговоры о русских революционерах, которые собираются на

ПЕРВЫЙ

А. Березной, доктор филологических наук

СПОРЫ НА СЪЕЗДЕ

К обсуждению Устава партии съезд приступил на двадцатом заседании. Устав — документ о том, какой должна быть партия. Советуясь с соратниками, Владимир Ильич разрабатывал его несколько лет.

Ленинцы хотели создать сплоченную, боевую, четко организованную, дисциплинированную пролетарскую партию.

Первый параграф Устава Ленин сформулировал так:

«Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций».

Из-за этого «личного участия» и разгорелся серьезный спор.

Кто такой член партии? Что он должен делать — просто записаться и помогать деньгами или еще вести работу?

«Лучше, — говорил Ленин, — чтобы десять работающих

БАГАДУР

СКАЗКА

Ахмедхан Абу-Бакар

Было это в те дни, когда горцы-бедняки закаляли в амузчинских кузнях кинжалы и шашки, зарядили самодельным порохом кремневые ружья и выступили против тех, у кого были пушки, винтовки и добрые кони.

У горцев-бедняков было слово, которое звучало в тысячу раз сильнее пушки. Слово это объединяло всех вокруг себя и сверкало в горах как молния — СВОБОДА!

Слово это пробудило в горах богатырскую силу. С красными лентами на папахах они бросились в бой — отчаянный решительный бой. Во главе их стоял седобородый старик Хабибулла. Горцы называли его комиссаром. Кривая сабля висела у него на боку и маузер в деревянной коробке.

По дороге через ущелье Ая-Как двигались войска белогвардейского генерала Долгоносова. В его армию входили регулярные казачьи полки, отряды англичан и турок. Войска были разношерстные, как куски хлеба в суме у нищего.

Горцы укрылись за скалами и камнями и поджидали врага. И вот здесь-то, в ущелье, комиссар Хабибулла заметил среди партизан мальчика. Он тоже готовился к бою.

— Я бы на твоём месте, — сказал ему Хабибулла, — волосяной мячик по тропинке катал.

Из книги А. Абу-Бакара «Сказка о долине садов, о дедушке Хабибулле и о театре глиняных кукол», которую выпустит в свет издательство «Детская литература» в 1974 году.

Да, у горских ребят это одно из самых любимых занятий. Чабаны часто перегоняют овец по дорогам, заросшим колючками. Овцы цепляются за колючки боками, оставляют на них шерсть, а ребята собирают ее и скатывают мячи.

Но мальчик из отряда партизан не ответил ни слова комиссару, нахмурился.

— Где твоя мать? — спросил Хабибулла.

— Я сын свободы, — тихо и серьезно ответил маленький партизан.

— А отца своего помнишь?

— Отец мой погиб в бою, и мать тоже. Я долго рос и вырос, наконец, чтобы отомстить.

Таких ответов Хабибулле слышать прежде не приходилось.

— Как звать тебя?

— У меня нет имени.

— Да это Багадур, — сказал кто-то из партизан. — Такое у него прозвище, а имени у него нет. Он хорошо поет. Спой что-нибудь, Багадур.

— «Велик мой дом — небесный свод...» — начал петь Багадур, но голос его сорвался, он замолчал, долго смотрел на высокие горы и, наконец, снова запел:

*Велик мой дом — небесный свод,
Трава — моя постель.
Я рос под говор горных вод
И жаворонка трель.*

*В бою погиб родной отец,
В бою погибла мать.
Они мне боль своих сердец
Успели передать.*

*Со мной дружил и снежный барс,
И гордый
Горный тур.
Восходит над горами Марс,
Готовься, Багадур!*

*Смертельный враг перед тобой,
И к бою он готов.
Пусть грянет бой!
Пусть грянет бой!
Под звон стальных клинков!*

*Врагу недолго ждать
И жить.
В бою погиб отец.
Я долго рос, чтоб отомстить,
И вырос наконец.*

Внимательно слушали горцы песню Багадура, а выслушав, долго молчали и снова разошлись по своим местам. Поджидая врага, они вспоминали слова этой песни.

— Долгоносов может пойти другим путем, — сказал один из партизан комиссару. — Напрасно тогда наша засада.

— Я тоже тревожусь, — сказал Хабибулла.
— Не беспокойтесь, — сказал Багадур. —
Враг идет по этому ущелью.
— Откуда ты знаешь? — спросил комиссар.
— Вон оттуда, — ответил Багадур и показал
рукою на высокий орех, который рос у входа
в ущелье. — Я забрался на макушку и погля-
дел на равнину.

— На макушку? — недоверчиво спросил ко-
миссар. На это дерево было очень трудно за-
браться.

— Не верите? — усмехнулся Багадур. —
Вот посмотрите: это орех, единственный орех,
который вырос в этом году.

— Это дерево очень старое, — заметил ко-
миссар. — Оно уже десять лет не дает плодов.

— Значит, это последний плод, — сказал
мальчик. — Прежде чем погаснуть, свеча ярко
вспыхивает. Это дерево скоро погибнет.

Ответы мальчика каждый раз удивляли ко-
миссара.

— Сколько тебе лет?

— Не надо удивляться, комиссар, — ответил
Багадур. — Бывает, что и дерево рано цветет.

— Бывает, бывает, — подтвердил комис-
сар. — Но жаль, недолго плодоносит такое де-
рево.

Он внимательно посмотрел на мальчика, а
потом спросил:

— И много у них людей?

— Очень много. Но войско персидского шаха
было в три раза больше, а горцы все-таки по-
бедили.

— Чьи это слова? — вспыхнул неожиданно
комиссар. — Почему ты говоришь чужими сло-
вами?

— Разве это чужие слова? Мой отец так го-
ворил, а теперь так говорит наша земля.

— Прости, друг, — сказал комиссар и об-
нял своего воина. — Ты прав! Так говорит на-
ша земля!

— У них есть пушки.

— Плохо дело. С пушками нам тягаться
трудно. Надо созвать военный совет.

На совет собрались самые мудрые и самые
храбрые горцы. Они долго думали, как бороть-
ся против пушек, но ничего дельного придумать
не могли.

— Послушай, Багадур, — спросил комис-
сар, — а где находятся у них пушки? В голове
или в хвосте колонны?

— В хвосте.

— Этот хвост надо бы и отрезать.

— Хотите отрезать хвост? — спросил не-
ожиданно Багадур.

— Да, сынок.

— Ореховое дерево растет над обрывом, а об-
рыв над самой дорогой. Надо подрубить дере-
во и обрушить его на дорогу как раз перед
тем, как пойдут по ней пушки, — отрезать зме-
иный хвост. Пусть погибнет старое ореховое де-

рево геройской смертью. А вот из этого оре-
ха, — тут Багадур достал из кармана орех, —
я выращу новое дерево. Молодое и крепкое.

— Ну, что ж, мальчик, — сказал комиссар. —
Ты прав. Надо подрубить ореховое дерево так,
чтоб оно держалось на волоске, а когда надо
будет — мы обрушим его. Пока противник бу-
дет возиться, расчищать дорогу — пушки за-
стрянут, и мы нападём на пехоту.

Партизаны внимательно выслушали слова
комиссара.

— Молодец, Багадур, — переговаривались
они. — Светлая голова.

Посовещавшись еще немного, все разошлись
по своим местам, а комиссар послал нескольких
партизан к старому ореху, потом подозвал Бага-
дура.

— Вот тебе пистолет, — сказал он и протя-
нул Багадuru пистолет, изготовленный харбук-
скими мастерами. — Не беда, что он однозаряд-
ный, по врагам стреляет метко. Будь осторожен,
сынок.

Враг между тем приближался.

На дороге уже клубилась пыль и слышен был
стук копыт, лязганье металла.

Вскоре показались передовые отряды бело-
гвардейцев, они спокойно скакали по дороге, не
подозревая о засаде. Серебряные погоны офице-
ров горели под солнцем.

Партизаны затаились за высокими камнями
и все как один смотрели на ореховое дерево,
склонившееся над обрывом. Оно было огромное,
с широкими корявыми ветвями, ствол его был
искривлен, и на нем зияли огромные черные
дупла. Только лишь на самой макушке его зе-
ленело несколько веток.

Вот дерево дрогнуло, накренилось и с грохо-
том, увлекая за собой камни, рухнуло с обрыва
на дорогу. Следом понеслась вниз каменная ла-
вина, песок, земля, валуны.

И как только развеялась немного пыль, из-за
скал вырвались джигиты и обрушились на го-
ловные отряды противника. Дрогнула под но-
гами земля. Со склонов и обрывов полетели на
врага камни и пули.

В первые же минуты белогвардейцы растеря-
лись. Офицеры, которые ехали впереди, были
сразу перебиты меткими выстрелами — сере-
бряные погоны сверкали теперь в пыли.

Растерянность белогвардейцев прибавила
уверенности партизанам, а уверенность в бою —
половина победы.

Но вскоре белогвардейцы оправились от не-
ожиданного нападения, их солдаты спрятались
за камнями. Началась перестрелка. А запас
патронов у партизан был невелик.

— Беречь патроны! — приказал комиссар.

Когда начался бой, Багадур был рядом с ко-
миссаром, а потом вдруг исчез. Неожиданно Ха-
бибулла увидел, как мальчик, прячась за кам-
нями, ползет по склону горы. За собой он та-

шил по земле солдатский ранец. Багадур собирал патроны.

Вот он подполз к белогвардейцу, который ничком лежал на земле, и стал отстегивать его патронташ. И вдруг тот повернулся, взмахнул кинжалом.

Багадур метнулся в сторону. Пистолет он хранил в рукаве бешмета. Он взмахнул рукой, и рукоятка сама опустилась ему в ладонь.

Грянул выстрел — кинжал выпал из руки белогвардейца.

Багадур пополз дальше, и пули, как осы, завывали над ним, прижимали его к земле.

— Вернись, Багадур! — закричал Хабибулла.

Но Багадур был далеко и за грохотом выстрелов не услышал голоса командира.

Ловкий и гибкий, он извивался между камнями и скоро набрал столько патронов, что уже еле их ташил. Только тогда он вернулся к своим.

— Молодец, Багадур, — сказали горцы. — Выручил.

Опорожнив ранец, Багадур снова пополз на дорогу.

— Назад! — закричал комиссар. — Вернись немедленно. Приказываю!

Но Багадур то ли не услышал приказа, то ли решил сходить в последний раз. Он полз по дороге, собирая патроны, а иногда вдруг вставал на ноги и быстро перебежал от камня к камню. Белогвардейцы заметили его и сообразили, что он делает.

— Подстрелить! — приказал генерал Долгоносков.

Захлопали выстрелы, пули с визгом ударялись о камни, но мальчик был словно заколдован.

— Подайте мне карабин, — приказал генерал. Он высунулся из-за скалы и прицелился в Багадур, и в тот же момент увидел его комиссар, вскинул свою кремневку.

— Эх, если сейчас не послужишь ты мне, кремневка, то можешь вообще не служить, — сказал он и нажал курок.

Два выстрела грянули одновременно.

Пуля Хабибуллы насквозь пронзила белого генерала, он рухнул на скалу — покатились по пыльной дороге папаха с кокардой.

Но и генеральская пуля не протетела мимо — она ударила Багадур под сердце. Патроны посыпались у него из рук, и медленно опустился Багадур на землю.

Увидев это, застонал комиссар от горя.

— Вперед! — крикнул он и поднялся во весь рост.

— Ура! — закричали партизаны и бросились в атаку. Как лавина покатились они с горы, смяли вражеские ряды.

Комиссар подбежал к Багадур, который неподвижно лежал на земле.

Он был еще жив, когда комиссар поднял его на руки. Если б сейчас появился волшебник с кубшином живой воды!

Горы нахмурили свои брови, слезы потекли из ледников, и у ног комиссара возник родник. В этот момент Багадур закрыл глаза и больше никогда не открывал их.

Когда отгремел бой, горцы выкопали у родника могилу и похоронили Багадур. На могилу они положили большой камень и написали на нем:

«Здесь лежит сын свободы.

Имя его неизвестно,

А прозвище — Багадур»

Ударил над могилой прощальный залп.

Время приходит и уходит, день идет за днем, год за годом. И вот над могилой выросло дерево — молодой крепкий орех. Только тогда вспомнил комиссар, что в кармане Багадур был тот единственный орех старого дерева. Вспомнил комиссар слова Багадур:

— Я выращу новое молодое дерево.

Да, Багадур сдержал свое слово. А тот, кто держит свое слово, — настоящий мужчина.

Слава Багадур!

До сих пор у родника в Долине Садов растет над могилой Багадур ореховое дерево. Большое и раскидистое, оно украшает долину, и в наших Сирагинских горах говорят, что тот, кто съест орех с этого дерева, станет сильным, крепким человеком с бесстрашным сердцем.

Слава Багадур!

Удивительная в роднике вода. Летом она холодна как лед, а зимой тепла. И говорят в наших Сирагинских горах, что вода эта — целебная. Тот, кто попьет из родника, жить будет долго и счастливо.

Слава Багадур!

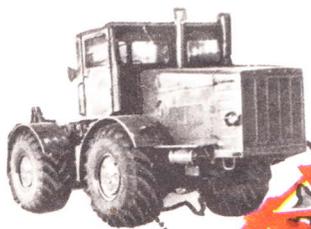
А тот, кто не ел ореха и не пил воды из родника, а просто прошел мимо, поклонившись могильному камню, — тот всегда будет любить родную землю, как любил ее мальчик, имя которого неизвестно, а известно только прозвище.

Слава Багадур!

*Перевод с даргинского
Ю. Коваля*

РАССКАЗЫ О ТРАКТОРЕ „КИРОВЕЦ“

В. Арпо

ГЛАВЫ
ИЗ
КНИГИ

Что может „Кировец“

DT-54 пашет четырехкорпусным плугом, а «Кировец» ведет за собой сразу восемь лемехов.

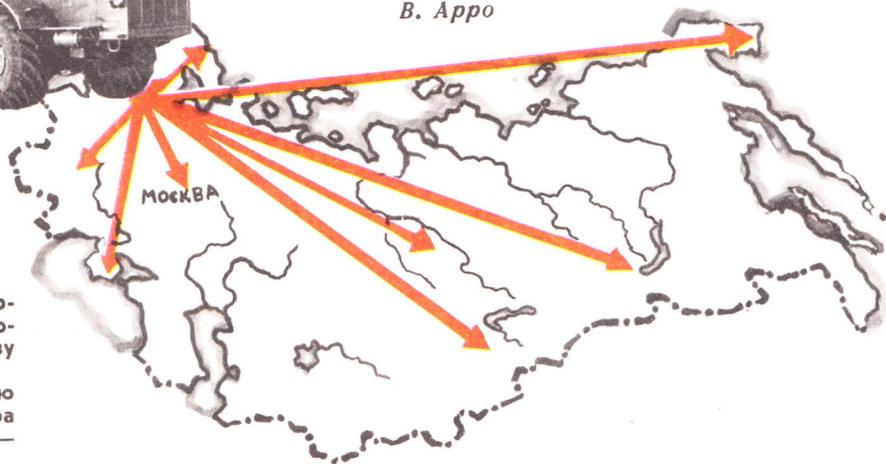
DT оставляет вспаханную полосу в полтора метра шириной, а «Кировец» — около трех метров.

Пошел дождь. DT забуксовал. А «Кировец», как ни в чем не бывало, работает. Да как работает!

Измельчать почву лущильником — так сразу полосу шириной в двадцать метров.

Сеять хлеб — так тринадцать гектаров за час.

Перевозить груз — так целый поезд из прицепов весом в двадцать одну тонну.

Где он работает

Если найти на карте те места, где работают — и не только в поле — новые трактора, то можно хорошо изучить географию Советского Союза.

На строительстве сибирских ГЭС «Кировцы» возят тяжелые грузы.

В Белоруссии и Крыму осушают заболоченные земли.

В Казахстане прокладывают дороги.

На аэродромах Москвы таскают тяжелые самолеты.

Помогают прокладывать газопровод Тюмень — Омск в Западной Сибири, строить атомную станцию в Заполярье.

А на Чукотке... На Чукотке с их помощью добывают золото. На трактор навешивают нож бульдозера, и он подает на промывку содержащие золото пески.

Спасение прииска

Однажды с прииска в чукотском поселке Бараниха поступила радиogramма:

— Кончается горючее! Через несколько дней останутся автомашины и бульдозеры. Дизельная электростанция перестанет давать ток. Срочно горючего!

Горючее на прииск доставляли из портового города Певека. Певек ответил:

— Трасса в нерабочем состоянии. Большие заносы. Погода не благоприятствует. Продержитесь, сколько можете. Принимаем меры.

Прииск дал новую радиogramму:

— Рады б, но долго не продержимся. Через несколько дней все скует холодом. Попробуйте ускорить.

Певек ответил:

— Высылаем колонну. Ждите. Когда придут, сказать точно не можем.

Колонна «Кировцев», нагруженная цистернами с горючим, ушла в полярную ночь. Ее сопровождали четыре бульдозера.

На первых же километрах машины попали в пургу. Фары пробивали снежную бурю только на десять мет-

ров. По еле уловимым признакам водители нащупывали колею. Стоило сбиться — и трактор утонул в снежных сугробах так, что колес не видно. Тогда в дело вступали бульдозеры и откапывали машину.

Прошли сутки.

Прииск спрашивал:

— Вышли ли трактора?

Певек отвечал:

— Трактора идут.

Прошли вторые сутки.

Днем и ночью двигалась колонна, каждый метр давался с трудом. Водители спали тут же, в кабинах. На газовых плитках готовили себе обед.

Прошли третьи сутки.

Певек радировал:

— Как там у вас? Еще держитесь?

— Держимся, — отвечал прииск. — Экономим каждую каплю.

«Кировцы» одолели трассу на десятые сутки. Рудник был спасен.

Пожар в степи

Летом степь — как порох, каждая травинка от зноя, от безводья, от сухого отчаяния готова вспыхнуть огнем. А это страшное дело.

Проходила машина, везла крупу и

селедки. Что-то случилось у нее в двигателе, закашлялась, заперхала, но ничего, дальше пошла. И не заметил шофер, как из выхлопной трубы вылетела искра.

Какая-то былинка затлела, от нее другая, и — побежал по травам огонь.

А в степи почти всегда ветер. А ветер огню, как известно, первый друг и союзник.

И вот стали они вдвоем носиться по степи, жечь народный хлеб. Дым повалил, треск стоит, пепел в воздухе носится, а огонь мчится по степи со скоростью курьерского поезда!

Тут и ринулись наперерез пожару «Кировцы». Развернулись боевым порядком, вонзили восьмикорпусные плуги в землю и пошли пахать!

Опоясали огонь полосой шириной в десять метров. Огонь попытался перескочить — не смог. Думал искрами забросать спасенное поле, — не получилось. Потрещал еще немного, побесился, тут ему и конец пришел. Много беды натворил, но мог бы и больше.

С тех пор в некоторых совхозах летом назначается дежурный «Кировец»-пожарник, с плугом наготове.

„Кировец“ за рубежом

Однажды иду по заводу, смотрю — необычные автобусы стоят перед заводууправлением. Марка вроде бы наша — Львов, а покрашены в белый и красный цвета и на боку по-английски написано: «Class room».

А я понимаю немного по-английски и еще больше от этого удивился. Ведь «Class room» это — классная комната. Странные какие-то классы.

Заглянул внутрь, а там по стенам развешаны схемы: схема системы смазки, схема системы питания, схема системы охлаждения, и наверху — знакомый силуэт «Кировца».

Мимо проходил рабочий. Он, видно, тоже был озадачен. И спрашивает у шофера: что, иностранцы приехали?

А шофер отвечает:

— Какие тут иностранцы. Мы сами теперь иностранцы. Едем Европу учить. «Кировцев» за границу сопровождаем.

И тогда я представил, как это будет.

Соберутся немецкие или, допустим, венгерские крестьяне, обступят невиданный трактор... Да, собственно, зачем гадать? Вот письмо из Германской Демократической Республики. Пишет на Кировский завод тракторист Эвальд Бодзишук:

«Дорогие советские друзья и товарищи! Первого мая я принимал участие, сидя за рулем К-700, в большой демонстрации в нашем районном центре — Магдебурге. Как и несколько недель тому назад, на полях нашего кооперативного хозяйства, в ведении которого находится два трактора К-700, он вызывал удивление и восхищение. Мне хочется сказать рабочим-кировцам: это трактор высшего класса!»

Такую же оценку «Кировец» получил на международной выставке сельскохозяйственных машин в ГДР. Он выдержал конкуренцию с машинами многих зарубежных фирм и был награжден золотой медалью.

Переключка трактористов

Давайте-ка проведем переключку трактористов страны. Пусть высказываются.

Говорит тракторист Шерстюк из Целиноградской области:

— Тянет, як зверь! Поставьте передо мною машины всех марок, я сяду только за К-700. Она удобна, в кабине тепло, светло, чисто.

Говорит тракторист Бетехтин из Прибайкалья:

— Для нас стараются подобрать самую трудную работу — и правильно. Направляют туда, где запущена земля, где почва потяжелее. Бывает, попадется такая горка, что автомашина на нее еле забирается, а мы

тянем за собой восьмикорпусный плуг. Потихоньку, на первой передаче, но справляемся.

Говорит тракторист Нагорный из Сибири:

— Где десять лет не пахалось, туда и посылают К-700. Я раньше работал на других машинах, — никакого сравнения! Я на новом тракторе сутки подряд могу работать!

Говорит тракторист Анатолий Бульда из Целинного края:

— Отличная машина! Мощная, маневренная, быстроходная! Только вот питьевая вода в бачке нагревается — жарко. Нужно о термосе подумать.

Говорит тракторист Давид Ашенбренер из Павлодарской области:

— Мы проводим на тракторе весь

день, газеты к нам идут долго. Товарищи конструкторы, подумайте о радиоприемнике!

Еще просьба

В Ставропольском крае мне показали лучшего водителя «Кировца». Он в это время распаивал поле.

— Вот подойдите к нему, — посоветовали, — уж кто лучше него машину знает.

Подождал я, пока «Кировец» паровнялся со мной, и махнул трактористу. Он спрыгнул вниз, мы поздоровались. Пожилой. Зовут Владимиром Ивановичем.

Я стал ему объяснять, что так, мол, и так, интересуюсь. А он молчал. Я тоже замолчал. Жду. Молчим оба.

Вдруг он говорит:

ДРУГАЯ ПРОДУКЦИЯ ЗАВОДА

ТАНКОГРАД

Во время Великой Отечественной войны часть Кировского завода была отправлена в тыл, на Урал. Она стала основой огромного танкостроительного предприятия, названного Танкоградом.

Кировцы выпускали здесь свой тяжелый танк «КВ».

Такого напряжения и такого подъема рабочие завода еще не знали. Многие выполняли две, три дневные нормы за смену. И, наконец, токарь Борис Тарев сумел выполнить двадцать норм за 6 часов 15 минут.

Это понятно. Работали ведь для фронта, для скорейшего разгрома врага.

Вместе с экипажами рабочие испытывали только что сделанные машины на танкодроме. Потом грузили их в эшелоны, и командиры один за другим докладывали директору:

— Машину, сделанную Кировским заводом, после испытания в полной боевой готовности принял!

Эшелон уходил на запад, и через несколько дней танки шли в бой.

А на заводском дворе уже формировался другой эшелон.

Танки «КВ» были первоклассным оружием, приближившим нашу победу.

— А чего стоять, поехали.

Вот, думаю, хорошо. Теперь разговоримся. Влез в кабину, сел рядом с ним. И пошли мы перепыхивать поле. Едем, покачиваемся. А я, между прочим, жду, когда тракторист начнет высказывать свое мнение о машине. Молчал он, молчал, потом, наконец, говорит:

— Вот видишь: сидишь, как царь на троне...

Ну, думаю, дальше, дальше. А он снова замолчал.

— Еще-то что-нибудь скажите, Владимир Иванович!

— Да я же говорю, сидишь, как царь на троне. Только покачивает.

И снова молчит.

Ничего, видно, от него дельного не добьешься. И то хорошо, что на тракторе покатал. Поблагодарил я тракториста и пошел.

Вдруг он меня окликает:

— Постой, — говорит, — забыл тебе сказать. Сидишь, как царь на троне, только покачивает...

Что это он, смеется надо мной?

А он продолжает:

— Вот я и говорю, на взгорках амплитуда большая, ты скажи там кому следует, пусть амортизаторы сделают.

Что ж, у каждого своя манера давать советы.

ЗА ДВА ИСПЫТАТЕЛЬНЫХ ГОДА В КОНСТРУКЦИЮ ТРАКТОРА БЫЛО ВНЕСЕНО ЗНАЕТЕ СКОЛЬКО! — ДВЕСТИ ШЕСТЬДЕСЯТ ОДНО ИЗМЕНЕНИЕ! А В ТЕХНОЛОГИЮ, ТО ЕСТЬ В СПОСОБ ЕГО ПРОИЗВОДСТВА — ВОСЕМЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ.

И еще будут!

Конструкторы собрали результаты всех испытаний — всевозможные цифры, графики, дневники, замечания, предложения — и решили, что у К-700 должно появиться потомство. Да не одно дитя, а целых три!

Первое. К-701 — сельскохозяйственный трактор с двигателем мощностью не 220, а 300 лошадиных сил! Чтобы глубже пахал. Чтобы больше поднимал. Чтобы быстрее бежал.

Второе. К-702 — трактор промышленный. Он будет тягачом и строителем. Если нужно — погрузчиком, если нужно — скрепером или бульдозером.

Третье. К-703 — трактор лесной. Он заберется в тайгу, в лесные чащи и будет вывозить древесину. Сам подтянет хлысты, сам нагрузит. А если понадобится — и дорогу себе делает.

Опытные образцы этих машин уже изготовлены и испытаны. Они, каждый в своем деле, незаменимы. Специалисты говорят в один голос: скорее делайте!

Последнее

А «Кировцу» уже заготовлено место в музее. И даже известно какому. Тому, у которого в паспорте и на радиаторе написано «№ 250».

Мне даже немного грустно стало, когда я об этом узнал. Наверное потому, что считается: раз музей — значит, дело прошлое.

«Кировец» № 250 был изготовлен в день сорокалетия выпуска «Форд-зона-Путиловца» № 1. Вот поэтому ему, наверное, и выпала такая честь — представлять в музее всю свою доблестную братию.

Сейчас, когда я пишу эти строки, он работает на полях целинного совхоза «Адамовский».

А когда готова книга о «Кировцах» попадет вам в руки, он вернется в Ленинград и займет место на пьедестале в музее Октябрьской революции.

Будете в Ленинграде — придете туда, осмотрите ветерана, потрогаете его обветренные бока, полистаете бортовой журнал. И, наверное, вас еще удивит его богатырская стать. Но вот когда в музей придут ваши дети и внуки, «Кировец», скорее всего, вызовет у них уважительное снисхождение.

— Какой большой, — скажут они. — Какой странный.

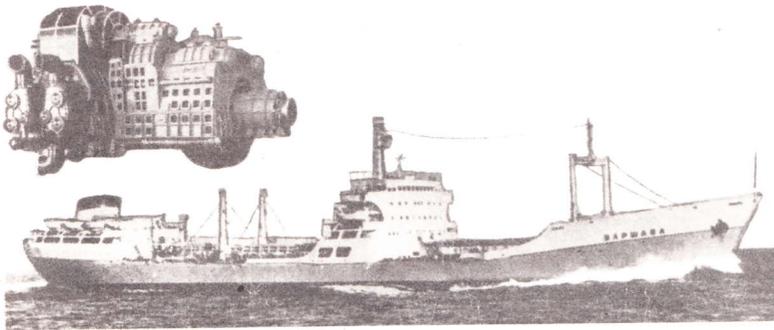
— Какие у него колеса нелепые. — А мощность всего две сотни лошадиных сил.

Потому что настанет время новых машин, которые будут восхищать человека.

И это, конечно, правильно.

Оформление А. Орлова

ДРУГАЯ ПРОДУКЦИЯ ЗАВОДА

СЛУЧАЙ В КРАСНОМ МОРЕ

Турбины, выпущенные Кировским заводом, зажгли лампы, пустили станки и машины во многих районах страны: в Карелии и в Средней Азии, в Армении и на Северном Кавказе, в Заполярье и на Урале, в Грузии и на Сахалине.

Турбинными установками Кировского завода оснащены многие суда: атомоход «Ленин», «Юрий Гагарин», «Варшава», «София», «Хирург Вишневский», «Ленинский комсомол»...

Несколько лет назад, когда Суэцкий канал еще действовал, один советский танкер проходил через этот канал. Как новичок, он должен был, по традиции, пропустить весь караван иностранных судов и войти в канал последним. Так он и сделал.

Когда он вышел в Красное море, первых судов уже почти не было видно.

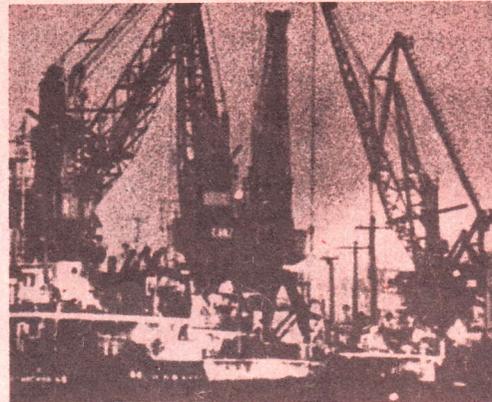
И тогда капитан скомандовал: «Полный вперед!»

И вдруг советский танкер стал обгонять судно за судном. Капитаны ничего не понимали — ведь их корабли тоже шли полным ходом.

Наш танкер, обгнав корабли, вежливо раскланялся со всем караваном — на мачте его взвились флажки: «Счастливого плавания!»

В машинном отделении танкера трудилась новая турбина с маркой Кировского завода.

ДВА БОЛЬШИХ КРАНА И МАЛЕНЬКИЙ ПУЛЬТ

Евгений Николаевич Никифоров работает в Ленинградском речном порту тринадцать лет. Каждое утро он поднимается по лестнице на свой кран в небольшую кабину.

Поворот рычага вправо, поворот рычага влево, на себя, от себя... Несколько одинаковых движений, которые за смену, как подсчитали, крановщик повторяет 10000 раз. К концу смены устают руки, от напряженной позы затекают ноги, немеет спина. В кабине грохот, тряска.

Но вот однажды к Евгению Николаевичу пришли ученые из Ленинградского института водного транспорта. Они показали ему небольшой ящик с маленькими кнопками и миниатюрными рычажками.

— Это пульт управления, — сказали ученые. — С его помощью вы можете командовать краном не из своей кабины, а, скажем, с берега или прямо с судна.

На самом кране ученые установили блоки специального программного устройства, от которого к пульта тянулись тонкие проводки.

Никифоров сначала просто не поверил тому, что услышал. Однако повесил на грудь легонький пульт-ящик и забрался на портал крана — чтобы лучше видеть судно с грузом. Повернул крайний рычажок. Стрела крана двинулась в сторону судна. На высоте ветер раскачивал грейфер — мощные челюсти, которыми захватывают груз, — и сдвигал его в сторону. Евгений Николаевич медленно поворачивал рычажок, направлял грейфер точно на груз.

— Наше устройство — полуавтоматическое, — объяснили ученые. — Часть работы выполняет человек, часть — электронный автомат. Захват груза — непосильная для пульта работа. Ветер все время меняется, поэтому и колебания у грейфера всегда разные. Только человек может точно его нацелить. Ну, а с остальным наше устройство само справится. Пожалуйста, поверните вот этот рычажок.

Никифоров повернул соседний рычажок, и тут включились блоки, установленные на кране. Точно по зашифрованной в них программе стрела крана повернулась, наклонилась над судном, грейфер захватил груз и перенес на склад.

Четыре года советские ученые разрабатывали систему дистанционно-программного управления кранами. Первое испытание прошло успешно. И вот новая задача: нельзя ли управлять одновременно двумя кранами?

Ведь крановщик свободен, пока работает автомат. В это время он может захватить груз вторым краном.

Проверили. Да, один крановщик может управлять двумя кранами. Скоро так и будут работать крановщики во многих портах нашей страны.

Пульта дистанционно-программного управления, какой сделали ленинградцы, нет ни в одной стране мира.

Т. Чесанова

*Фото
Е. Синявера*

Рисунки Г. Ясинского

В первом выпуске нашей игры («Костер» № 3, 1973 г.) мы познакомили вас с двумя друзьями, Таиром и Володькой. Живут они в южном городке, где с одной стороны — синие Кавказские горы, а с другой — Каспийское море. Внешне мальчишки очень разные, но характерами схожи, как братья. И если одному придет что-нибудь в голову, другой поддержит обязательно.

Таир услышал, как за столом папа сказал, что в их городе — кристальная честность у населения. И забудь какой-нибудь рассеянный человек прямо на улице сундук с драгоценностями — ничего с этим сундуком не случится.

Конечно, как вы понимаете, эту мысль надо было проверить. Правда, сундука с драгоценностями не нашлось. Зато был новенький чемодан у Володькиной мамы.

Ребята натолкали в чемодан старых газет, сунули для веса гирию и поволокли на людный перекресток, где находится парикмахерская дяди Арчила. Опыт начался.

Только успели мальчишки поставить чемодан, как хлынул ливень. Володька и Таир спрятались под развесистым каштаном. Дождь быстро кончился, они вернулись на перекресток и, к великому ужасу, обнаружили, что чемодан исчез. А напротив, в парикмахерской, дядя Арчил, размахивая бритвой, что-то возбужденно рассказывал своему клиенту.

На этом история обрывалась и читателей предлагалось дописать, что же случилось дальше.

Чего только не напридумывали наши читатели!

Больше всего нам понравилось, что почти никому не пришло в голову обвинить жителей городка в нечестности. С чемоданом происходили разные истории, в каждом письме была своя выдумка. Наиболее удачными нам представляются окончания рассказа «История с чемоданом», присланные Светланой Федяниной и Ларисой Гурьяновой.

Вот что они написали:

Светлана ФЕДЯНИНА

г. Целиноград

...Володьке пришла мысль, что дядя Арчил говорит именно о чемодане. Он ткнул пальцем Таира и указал глазами на дверь парикмахерской.

Ребята подбежали к дому, и вот что они услышали.

— Только что на дороге стоял! — восклицал дядя Арчил. — Новенький, красивый! Такие вещи на дороге не валяются. На секунду отвернулся — и вот тебе, чемодан исчез! Умопомрачительные вещи происходят в нашем городе!

Дядя Арчил долго еще изумлялся, а Володька и Таир уже уныло плелись по улице.

— Вот мы с тобой никогда чужого не брали, а наше кто-то взял, — негодовал Володька.

— Ну, конечно, — пробурчал Таир, — а кто три дня назад двадцать копеек на дороге подобрал и купил мороженое? Не мы ли?

— Но это же не чемодан!.. Моя мама на днях уезжает в командировку. Представляешь, пойдет она чемодан с полки доставать, а его там нет. Будет мне взбучка!

Вдруг Таир двинул его кулаком в бок и зарорал: «Чемодан!» Действительно, по другой стороне улицы шла женщина и держала такой же точно чемодан. Расталкивая прохожих, ребята со всех ног бросились за женщиной. Рассмотрев чемодан получше, Володька остановился.

— Тоже мне — Шерлок Холмс нашелся! Тот же совсем другой!

И друзья снова поплелись по улице. Яркое светило солнце, лужи высохли, деревья тихо шумели.

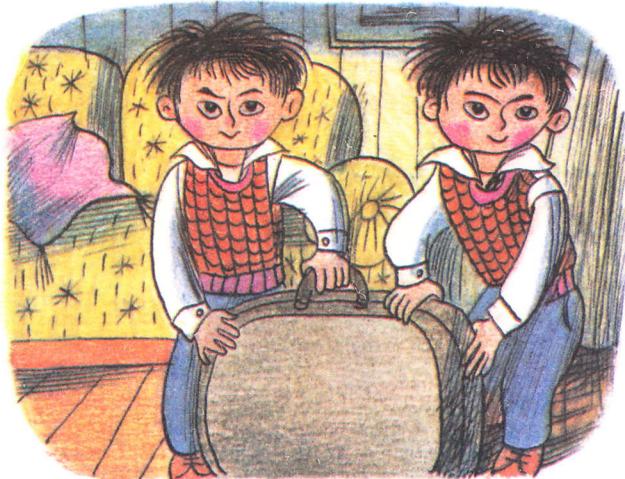
Таир и Володька проходили мимо городской доски объявлений. Таир взглянул на нее, и вдруг его осенило.

Ребята кинулись домой. Там они сели строчить объявления о без вести пропавшем чемодане.

...А чемодан в это время преспокойно стоял в маленькой комнатке, которая принадлежала двум братьям-близнецам. У них были мама, папа и очень добрая бабушка.

Вечером, когда семья была в сборе, малыши-близнецы выволокли чемодан и просто душно заявили:

— Мы его нашли.

Взрослые оцепенели. Мама трагическим голосом сказала:

— Никогда не думала, что мои дети могут украсть.

Папа, придерживая спадавшие очки, бросился за валерьянкой. Близнецы пытались что-нибудь сказать в свое оправдание. В конце концов они приняли крайние меры, то есть заревели в три ручья. Папа отправил их спать. Когда ребята скрылись за дверью, бабушка сказала:

— А я верю, что чемодан они нашли.

— Я тоже хотел бы верить, — ответил папа и позвал маму.

Втроем они сели писать объявления о найденном чемодане.

...На следующее утро с одного конца города объявления расклеивали братья близнецы, с другого конца — Володька и Таир.

Когда близнецы подошли к городской доске объявлений, появились Таир с Володькой.

Четверо ребят прочитали друг у друга объявления и от радости бросились обниматься.

Весь город читал эти объявления. А папа Володькин очень удивился, увидев свой адрес. Придя домой, он сразу же полез на полку. Чемодан был на месте.

— Что это значит? — спросил он у входивших в дом Таира и Володьки и подал им объявление.

— В нашем городе кристальная честность у населения, — ответил Таир и весело улыбнулся.

— Неудобно как-то... — неуверенно возразил дядя Арчил.

Но после непродолжительного спора чемодан все-таки решили открыть.

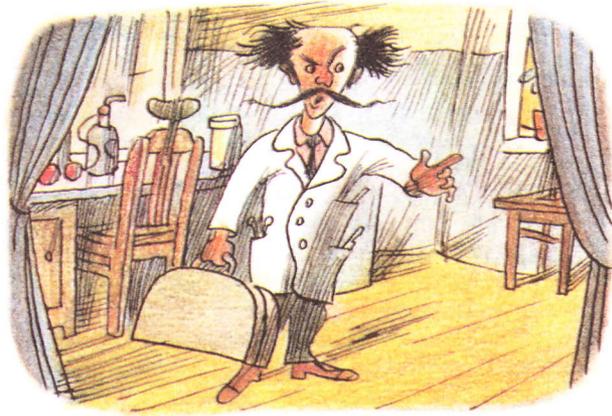
То, что все увидели, было совсем неожиданно. Чемодан доверху был набит старыми газетами!

— Это конспирация, — глубокомысленно изрек кудлатый мальчишка. — Под газетами наверняка что-то есть. Все шпионы так делают.

Дядя Арчил покопался в газетах и извлек медную гирию.

— Спортсмен, наверное, потерял, — сказал намыленный гражданин.

— Шпион! — не сдавался кудлатый.

— Спортсмен!

— Шпион!

— Спортсмен!

Дядя Арчил захлопнул решительно крышку и сказал:

— Отнесу в милицию. Там разберутся.

Надо было срочно спасать положение. Володька выступил вперед:

— Это наш чемодан!

— Ваш?! — мохнатые брови дяди Арчила поползли вверх.

Таир поспешил другу на помощь:

— Да, наш.

Взрыв смеха был ему ответом. Таир нахмурился. Ну что тут смешного? Вовсе не смешно. Ни чуточки!

Перебивая друг друга, приятели рассказали всю эту историю.

Дядя Арчил крикнул:

— А ну, забирайте свой чемодан и — геть отсюда!

Володька и Таир подхватили чемодан и вышли из парикмахерской. Кудлатый мальчишка ошалело смотрел им вслед.

А впереди задорно подмигивало озорное солнце, и все так же высились над городом четыре разноцветных этажа: зеленый, синий, голубой и белый.

Лариса ГУРЬЯНОВА

г. Казань

...Володька дернул приятеля за рукав:

— Давай расскажем дяде Арчилу. Может, что-нибудь посоветует.

Вскоре оба стояли перед стеклянной дверью, над которой крупными буквами было написано: ПАРИКМАХЕРСКАЯ.

Посреди небольшого, залитого светом зала стоял дядя Арчил. Друзья глянули — и обомлели: он держал в руках чемодан. Тот самый. И рассказывал:

— Смотрю — чемодан! И вокруг никого. Ясное дело — ливень... Куда вот теперь его деть? В милицию или в бюро находок? Кто же, интересно, его потерял?

Наступила минутная тишина. Затем какой-то гражданин с намыленными щеками произнес:

— Может, кто из командировочных посял?

В разговор вмешался невесть откуда взявшийся и наверняка начитавшийся детективных романов кудлатый мальчишка в очках. Смерил чемодан взглядом и заявил:

— Чемодан потерял шпион!

Тут какой-то парень предложил открыть чемодан.

А вот как заканчивает рассказ сам автор писатель ИЛЬЯ ДВОРКИН.

...Володька и Таир одновременно поглядели на парикмахера дядю Арчила.

Внешность его была устрашающей, несмотря на маленький рост и хрупкое телосложение. Усищи—во! Развеваются по ветру! Нос—во! Как клюв горного орла. В руке бритва, как шашка, сверкает. Приезжие люди боялись у него бриться. Но любой мальчишка в городе знал, что более доброго человека, чем дядя Арчил, на свете нет.

Володьку вдруг озарило. Он хлопнул себя рукой по лбу и закричал:

— Таир! А что, если чемодан убрал дядя Арчил? Чтобы не мок под дождем.

Таир, ни слова не говоря, бросился через дорогу. Так и есть! Чемодан спокойно стоял в углу парикмахерской.

— Спасибо, дядя Арчил! — пробормотал счастливый Таир и потащил чемодан к выходу.

Но дядя Арчил стал в дверях, раскинув руки и приподнявшись на цыпочки, будто собираясь танцевать лезгинку.

— А ну, поставь чужой чемодан, пацан! — проклекотал он.

Таир с достоинством поглядел на него:

— Это мой чемодан.

— Наш, — подтвердил Володька, — вы не беспокойтесь.

Дядя Арчил схватился за голову.

— Люди! — закричал он. — Кто видел, чтобы у таких сопливых мальчишек был такой роскошный чемодан крокодиловой кожи! Таирка, положи, говорю, чужую вещь!

Таир и Володька пытались объяснить, в чем дело, но дядя Арчил уже не слушал, его занесло.

— О, люди! Люди! — восклицал парикмахер. — Идите сюда! Какой позор! Дети таких приличных родителей хотят присвоить чужой чемодан! Люди, позор, говорю я!

На весь этот шум пришли любопытные старики из кофейни и постовой милиционер.

Дядя Арчил сложил руки на груди и за-

стыл — весь скорбь и отчаяние. Старики грустно качали головами.

— Что это вы здесь театр устраиваете, дядя Арчил? — сердито спросил Таир. — Говорят вам — наш чемодан, значит, наш.

— Все слышали? — обратился дядя Арчил к зрителям.

— Слышали, — печально сказал самый старый седобородый старик. — Горе их родителям! Позор!

— И ты, кацо, слышал? — вкрадчиво спросил дядя Арчил у милиционера.

— Глухой я, по-твоему, да? — ответил милиционер.

— А тогда, если ты не глухой, веди, куда надо отвести, этих малолетних преступников! — громовым голосом закричал дядя Арчил и попытался закинуть полу парикмахерского халата, как плащ или тогу.

И тут Володька не выдержал и расхохотался.

Все повернулись к нему с недоумением, а у дяди Арчила сделался такой вид, будто его обидели.

— Значит, чужой чемодан? — спросил Володька.

— Чужой! Кто-то забыл на дороге. Такой, понимаешь, рассеянный человек! — убежденно сказал парикмахер.

— Ха, рассеянный! А знаете, что в этом чемодане лежит? — продолжал Володька.

— Этого никто не знает, кацо, никто! — дядя Арчил помахал пальцем. — Кроме хозяина! Но его нет!

Таир положил чемодан на бок, присел рядом.

— Там лежат старые газеты и еще медная гиря, — мрачно сказал он, — глядите!

И щелкнул застежками.

Некоторое время все озадаченно молчали. Потом дядя Арчил присел рядом с Таиром, поворошил газеты, приподнял гирю.

— Ничего не понимаю! — прошептал он. — Может быть, я заболел? Скажите мне вы, безумные дети, зачем вы засунули туда эту дурацкую гирю царских еще времен?

Чем дальше он слушал объяснения Володьки и Таира, тем ярче лицо его заливал кирпичный румянец.

— Так, — сказал он наконец. — Слышали? Это значит, они нашу честность проверяли! В нашем городе! Приманку выставили — чемодан...

Володьке давно уже было не смешно. Таир стоял, опустив голову. Затея их показалась вдруг глупой и обидной для других людей.

Володька хотел что-то объяснить, но дядя Арчил не дал, он сунул ему в руку чемодан и подтолкнул к двери.

— Идите, идите, — сказал он. — Нехорошие люди.

Вот как окончился печальный опыт с чемоданом.

А теперь прочитайте новый рассказ ИЛЫИ ДВОРКИНА и попробуйте сами дописать его конец.

Охота на дикого кабана

Жизнь шла своим чередом, и через два дня Таир и Володька помирились с дядей Арчилом. А затем произошло волнующее событие: дядя Арчил выиграл в лотерею охотничье ружье.

Со своей новенькой двустволкой дядя Арчил не расставался ни днем, ни ночью. Отправляясь на работу, он вешал ружье на плечо, в парикмахерской ставил ружье в угол и время от времени заглядывал в стволы — не запылились ли.

Он уже твердо решил пойти на охоту и застрелить дикого кабана.

Брея, дядя Арчил размахивал бритвой и объяснял всем желающим, как он это сделает. Он пойдет страшному кабану навстречу, твердо посмотрит в дикие его глаза и выстрелит прямо в кабанье сердце!

Таир и Володька потеряли покой. Они целыми днями крутились вокруг парикмахерской и подлизывались к дяде Арчилу.

— Дядя Арчил, а ваше ружье, ваша замечательная двустволка, она центрального боя или не центрального? — начинал Володька умильным голосом.

— Центрального, дорогой, самого центрального, — отвечал дядя Арчил.

— Этого просто не может быть, чтобы центрального! — подхватывал Таир.

Дядя Арчил переставал шлепать бритвой по точильному ремню.

— Как не может быть, а? — грозно спрашивал он. — Значит, я вру? Ты кому это говоришь, дорогой, а?

— Ну, конечно, все может быть, — поспешно соглашался Таир. — Дайте ружье, сейчас посмотрю и точно скажу!

Таир деловито проходил в заветный угол, где стояло ружье, но дядя Арчил преграждал ему путь.

— Таирка! Не трогай оружие! Не смей к нему прикасаться, кому говорю!

Сознание того, что человек собрался охотиться на кабана, а их не берут, было непереносимо! И ребята начали правильную осаду.

После школы Володька и Таир шли к парикмахерской и усаживались на крыльце.

— Ты представляешь, Володька, — начал громко Таир, — что может случиться с неопытным человеком на охоте! Да если еще зверь такой опасный! Клыки — во! Щетина — во! Жуть, подумать страшно!

— Еще бы! — отвечал Володька замогильным голосом. — Я как вспомню ту историю... волосы дыбом!

— Какую такую историю?! — не выдерживал дядя Арчил. — Что вы еще выдумываете? Что вы от меня хотите, несчастные? Все равно на охоту не возьму!

— Да вы не волнуйтесь, дядя Арчил, — отвечал Володька таким приторным голосом, что самому становилось тошно. — Мы просто так разговариваем. Вспоминаем кое-что. Вы ведь не охотник. Вам не понять...

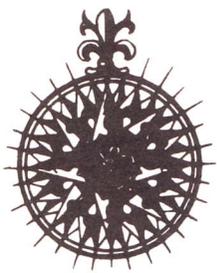
— Я не охотник, да? — дядя Арчил потрясал ружьем. — А вы, значит, охотники? А где ваши ружья? Мое — вот оно! Да мне и ружья не надо! — распаялся дядя Арчил. — Что такое кабан? Кабан — это просто свинья, только пока еще дикая! Да я с одной вот этой бритвой против него могу выйти! Да я...

— Вы что, его брить собираетесь, дядя Арчил? — невинно спрашивал Таир.

Дядя Арчил останавливался, как конь, налетевший на препятствие.

— Ах так! — зловеще говорил он. — Смеяться?! Вон отсюда, паршивцы! Чтоб ноги вашей не было! Уже хотел вас взять — теперь нет, ни за что!

ЗДЕСЬ МЫ ПРЕРЫВАЕМ НАШУ ИСТОРИЮ. ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ ДАЛЬШЕ? ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ, РЕБЯТА!

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

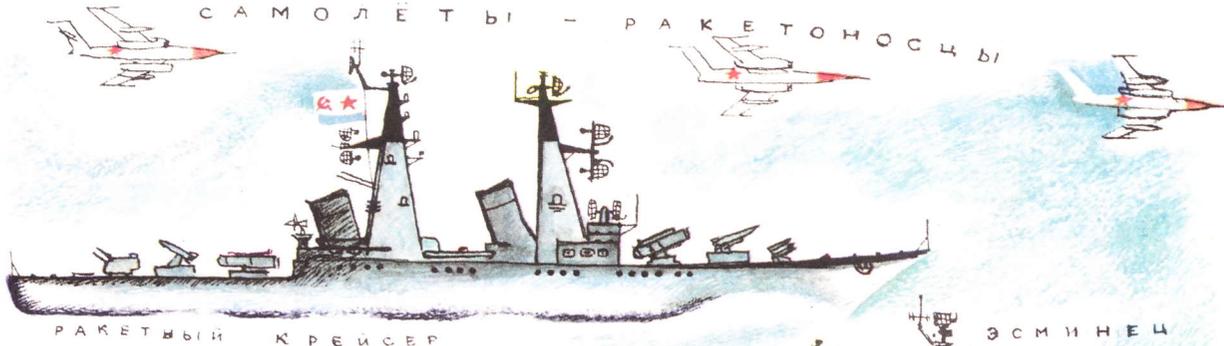

Выходит под редакцией капитана второго ранга С. Сахарнова

Оформление Р. Попова

Год издания 17-й

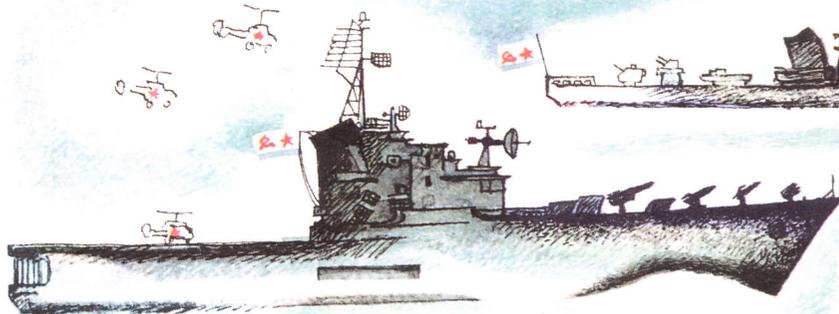
САМОЛЕТЫ — РАКЕТОНОСЦЫ

РАКЕТНЫЙ КРЕЙСЕР

ЭСМИНЕЦ

ПРОТИВОЛОДОЧНЫЙ КОРАБЛЬ-ВЕРТОЛЁТНОСЕЦ

Нашу Родину охраняют самые современные, самые мощные, самые стремительные корабли. И быть может, когда ты станешь военным моряком, ты будешь служить на одном из таких кораблей!

РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ

СТОРОЖЕВОЙ КОРАБЛЬ

АТОМНАЯ ПОДВОДНАЯ ЛОДКА

РАКЕТНЫЙ КАТЕР

ЭСМИНЕЦ В ГОСТЯХ У ПИОНЕРОВ

В день слета юных моряков пионерлагеря «Орленок» мы заметили в море силуэт корабля. Это был эсминец. Он подошел и встал на рейде. Вот так сюрприз! Оказалось, что он пришел к нам в гости! Мотоботы доставили нас на борт корабля. В первый раз я увидел совсем близко мощные торпедные аппараты и орудия. Мы побывали в кубриках, боевой рубке, машинном отделении, орудийных башнях. На корабле служат моряки из раз-

ных республик и городов Советского Союза. Нашлись и наши земляки — ленинградцы. А на другой день моряки были гостями «Орленка». Они рассказали нам о службе и о недавнем походе.

Мы, орлята, никогда не забудем своих друзей-моряков!

Саша Антонов, Ленинград

Американские ученые конструируют подводное судно для археологов, которые намерены исследовать морское дно разных морей и океанов в поисках затонувших старинных кораблей. «Алька Сипроуб» — так

будет называться это судно. Его механические руки смогут поднимать грузы весом до двухсот тонн и длиной до двадцати метров. До шести тысяч метров сможет погружаться этот глубоководный аппарат.

ВАХТЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Ребята из местного Клуба юных моряков Комсомольска-на-Амуре прислали в редакцию «Вахтенный журнал шлюпочного перехода Комсомольск-на-Амуре — Николаевск-на-Амуре». Мы печатаем его с сокращениями.

11 июля 1972 г.

...Идем вниз по Амуру. Места красивые. Много дубняка, черемухи, липы и цветов — желтых и красных саранок. Два раза устраивали гонки на дистанцию десять кабельтовых. Выиграла шлюпка № 1 — 1 кг конфет... Показалось село Шелехово, названное в честь Г. И. Шелехова, основателя Форты-Росс (близко от современного Сан-Франциско). Вскоре недалеко от громадных гор увидели строящиеся города Лунный и Ягодный, на правом берегу, на высоком и красивом месте. Это новостройки с прекрасными дворцами и

высотными зданиями — среди дремучей тайги... Амур дальше очень стеснен горами и глубок. Жители нам сказали, что в шторм Черный мыс бывает страшен. У всех ребят было возбужденное состояние. Но Черный мыс миновали благополучно.

15 июля.

Причалили в Циммермановке. Нас толпой провожали мальчишки, а мы

шли строем в военно-морской форме. Циммермановка — старинное поселение. На берегу Амура стоит памятник погибшим партизанам.

16 июля.

Возле Быстринска Амур очень широк. Сильные водовороты. Ветер за-

дул крепко. Мачты срубили, идем на веслах. Надели спасательные пояса. Перекат прошли благополучно. Увидели село Калиновку. Живет здесь

народ ульчи. Встретили нас очень хорошо. Мы помылись в деревенской бане. Вечером в местном клубе поставили небольшой концерт для жителей. Потом нас угощали копченой рыбой.

17 июля.

На ночлег остановились в зимовье охотников. Людей — никого. Оставленные продукты словно ждут путника. На нарах расстелены шкуры медведей. Мы ничего не тронули. Только переночевали.

Окончание следует

НАША ПОЧТА

«Я живу в порту Находка. К нам приходят корабли из многих стран мира. Однажды я насчитал больше тридцати иностранных флагов. В нашем городе есть судоремонтный завод, на котором моя мама работает уже двадцать лет. Даже названия кинотеатров

у нас «морские»: «Альбатрос», «Волна», «Прибой», «Буревестник». Посылаю вам фотографию нашего города-порта.

Игорь Потанков, Находка.

С ВЫСТАВКИ ПИНГВИНА

„МОЙ БРАТ МОРЯК“

Рисунок Фазиля Латфуллина, 11 лет, Татарская АССР, с. Елхово

ЗОРКИЙ ДЕД

Магомед-Загид Аминов

Дедушке, наверно, двести лет,
Но очки носить не хочет дед,
Говорит: «К чему носить стекло?
Мне, друзья, с глазами повезло:
Вижу, как из-под ноги моей
Поволок личинку муравей...»

Без бинокля дед мой на заре
Разглядит теленка на горе.
Вроде задремал, а все равно
Видит он, как я бегу в кино,
Даже через стены видит он,
Как меня за партой клонит в сон.

Усмехаясь, повторяет дед:
— Я недаром прожил столько лет:
Говоришь, дружок, или молчишь —
Правды от меня не утаишь,
Уши есть и у стены, дружок,
И глаза имеет потолок...

Дедушка мой смотрит из-за гор,
И в Москве он видит каждый двор.
Если на закат посмотрит дед,
Скажет он, какой придет рассвет...

Если уж такой хороший дед,
Пусть живет на свете триста лет!

*Перевела с лакского
Елена Аксельрод*

Рисунки Н. Муратова

ХИТРЫЙ ДЕД

Борис Кагермазов

Как-то Масхуд торопился из школы
Очень взволнованный, очень веселый.
Деду он крикнул, примчавшись домой:
«Дедушка, знаешь, я сильный какой!
На физкультуре в решающей схватке
Я пятерых положил на лопатки.
Ну а потом еще
Раза четыре
Выжал на грудь тяжеленную гирию.
Вот подрасту — и таким силачом
Стану,
Что будет мне все нипочем!»

Дед головой покачал, промолчал;
В поле наутро Масхуда он взял.
«Сено копнить мы возьмемся с тобой,
Нам для двоих это дело простое».
Смотрит старик, улыбаясь на внука:
«Силу свою покажи мне, а ну-ка!»
Взялся усердно за дело Масхуд —
Честно трудился пятнадцать минут.
Только сложил он копну кое-как,
Начал другую — и тут же обмяк.
Ноги не держат, и нет уже силы,
Стали как будто свинцовыми вилы.
Смотрит на деда Масхуд —
Ну а тот
Ровные копны рядами кладет.

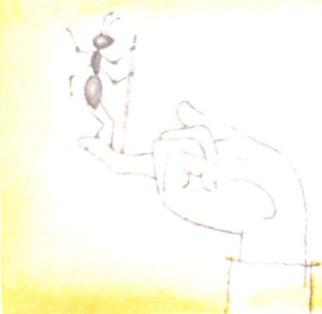
Снова за вилы берется Масхуд,
Думает:
«Ох и нелегкий же труд!»
Думает дед, хоть и жаль ему внука:
«Впредь хвастуну это будет наука!»

*Перевел с кабардинского
Сергей Вольский*

Анна Гарф

МАША

МУРАША

Далеко-далеко в темном лесу жила-была Маша, по прозвищу Мураша. Вот однажды муравьи и говорят ей:

— Машенька, Мурашенька, мы на работу пойдем, а ты здесь подомовничай, подмети, по воду сходи, печь истопи.

Сказали и пошли.

А Маша надулась, к стене повернулась и ну приговаривать:

— «Подмети» — стану я! «По воду сходи» — как же! «Печь истопи» — вот еще! Возьму-ка я ореховый посошок, пойду гулять на зеленый лужок.

Гуляла-гуляла и дорогу домой потеряла. Заблудилась. Бродила-ходила, а солнце тоже не стояло на месте, оно ушло за реку. Заря побледнела, земля потемнела. Остыла трава, выпала роса. Холодно стало Маше, страшно Мураше. Сунулась она туда, кинулась сюда и увидела мышиную норку. Заглянула, а там светло, там тепло. На столе вместо лампы — светлячок, в печи гнилушка зеленым огоньком светится. На печи чайник поет-шумит, под лавкой мышата спят, на лавке зеркальце блестит. А перед зеркалом сама хозяйка-мышь. Нацепила на хвост голубой поясик, надела на голову зеленую шляпку, натянула на лапки красные перчатки.

— Ах, Машенька! Ах, Мурашенька! Я к друзьям на свадьбу спешу, а ты здесь посиди, за моими детками присмотри, светляка чаем угости. Принесу тебе пирога с капустой.

Сказала и убежала.

А Маша надулась, к стене повернулась и ну приговаривать:

— «Здесь посиди» — стану я! «За детками присмотри» — как же! «Светляка чаем угости» — вот еще! Возьму-ка я свой ореховый посошок и пойду гулять на серебряный лужок.

— Не ходи, солнце давно зашло, — сказал светляк.

— Под-у-умаешь! Солнце зашло, зато луна взошла.

Взяла посошок и пошла.

А небо черным-черно, ни звезд, ни луны, туча по небу ползет, тень по земле стелется. Шла Маша, шла и оступилась, в ямку упала, посошок потеряла, нос разбила и заплакала:

— Муравьи плохие, мышь злая, одна я на всем свете хорошая, милая, пригожая...

А мышь в это время со свадьбы домой шла, пирог с капустой несла. Услышала плач, оглянулась, подошла поближе и увидела Машу.

— Машенька, Мурашенька, протяну я тебе свою серую лапку в красной перчатке, ухватишься и вылезешь из ямы.

— Как же!

— Машенька, Мурашенька, спусти я тебе свой хвостик с голубым пояском, уцепись и выберешься наверх.

— Стану я!

— Машенька, Мурашенька, сломлю-ка я ивовый прутик, повешу на него свою зеленую шляпку, садись туда, я тебя вытащу.

— Вот еще!

— Ну и оставайся, где хочешь.

Кинула ей мышь пирога с капустой, а сама побежала к своим деткам.

Маша пирог съела, надулась, к стене повернулась и только было начала ворчать-приговаривать, но тут как хлынул дождь из тучи! Залило дождем все ямы и овраги, подхватила вода Машу, понесла Мурашу вон из леса.

Куда? Не знаю. Может, вы когда-нибудь ее повстречаете? Пожалуйста, накормите, обогрейте, а бранить не надо. Она и сама теперь, должно быть, поумнела.

Рисунок Б. Семенова

Раздел ведет писатель Н. Сладков
Оформление А. Аземши и А. Харшака

В ЗООПАРКЕ

ЗАЙЧИКИ

Случилось это еще зимой. В клетке сидели беляки-зайцы: бело-фарфоровые, с черными кончиками ушей и чудесными темно-ореховыми глазами. Посетители зоопарка наперебой старались протиснуться к клетке. Протиснувшись, каждый непременно ахал и что-нибудь говорил. Девушка в высоких сапожках сказала: «Ах, какая миленькая шапочка получилась бы во-он из того беленького!» Старичок в валенках лихо крикнул: «Ой, не могу! Дайте мне скорее ружье — руки чешутся!» Дядя в яловых сапогах вспомнил: «Это страх, сколько я этих косых за свой век перебил!» Парень с сигаретой на губе присел на корточки и спросил: «А что, если косому дым в нос пустить? А?»

Тут к зайцам, растолкав локотками ноги взрослых, протиснулась маленькая девочка. Увидев фарфоровых зайцев, она всплеснула руками и тоненько вскрикнула: «Зайчики вы мои беленькие, какие же вы красивенькие!»

Все вокруг вдруг замолчали, посмотрели на девочку и разошлись.
Н. Сладков

апоминаем: Продолжается сбор лекарственных трав.

росим не брать в лес охотничьих собак. В лесу много беспомощных лесных малышей.

оветуем осторожно обращаться в лесу с огнем.

ИЗ КРАСНОЙ КНИГИ

АЗИАТСКИЙ ОСЕЛ, он же — в нашей стране — КУЛАН, он же — ДЖИГИТАЙ

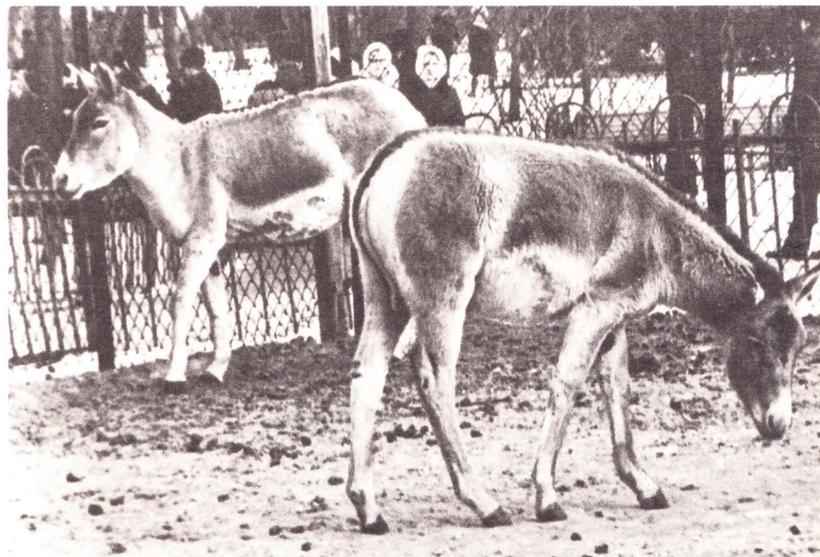
Издавна на куланов охотились: красива и прочна их шкура, вкусно мясо. Таяли стада куланов.

Сейчас мы знаем их наперечет, чуть не по головам: восемьсот куланов сохранилось в Туркмении, около сотни живет на острове Барса-Кельмес в Аральском море. Их туда вывезли специально, чтобы сохранить и развести. Итого — почти девятьсот; это много! Мы гордимся тем, что их уже столько на территории нашей страны!

За пределами СССР небольшие стада диких ослов уцелели в Афганистане, Монголии и Северо-Западном Китае.

В зной и стужу кочуют по степным просторам их табуны: самец-вожак и ослицы с детенышами. Дикие ослы очень пугливы, они уносятся от опасности со скоростью шестьдесят километров в час. Только пыль столбом из-под копыт!

Немаловажная роль в сохранении куланов принадлежит зоопаркам: из 125 куланов, содержащихся в 18 зоопарках мира, 30 родились в неволе.

Подходишь к ним — и лобуешься. То, внезапно сорвавшись, как по команде, мчатся по кругу, взбивая песок. То вдруг начнут кататься по земле на спине, резко вскачат, отряхнутся и давай играючи лягать и покусывать друг друга.

Не верится, что эти сильные и по-своему красивые животные совсем недавно были на грани исчезновения.

Е. Лысов, В. Левин,
работники Ленинградского зоопарка

ОКОЛДОВАННЫЙ ОКУНЬ

Я плыву по озеру на плоту. На темных отражениях елок покачиваются белоснежные кувшинки. Те самые, которые называют еще белыми лилиями или русалочьими цветами. Или, совсем уж по-сказочному, одолень-травой.

Листья кувшинки со скрипом трутся о шершавые бревна. Озеро сплошь выстлано круглыми листьями. Только кое-где синенют окна чистой воды. В такое «окно» я и опустил свой поплавок.

Как мне хочется поймать рыбу! Рыбы рядом, они чмокают губами под листьями, но не хотят трогать мою наживку. В отчаянии я тянусь к сказочной одолень-траве, срываю ее и шепчу прямо в белые лепестки: «Одолень-трава, одолей ты мне окуня полосатого, щуку зубатую! Или хоть ерша колючего...»

И — о радость! — поплавок потянулся, волоча за собой водяные усики. Стал тонуть и нырнул! Я подсекаю — на крючке окунь! Полосатый, большой — какого просил!

Я прижимаю его к себе, он колотит хвостом, колет колючками мне живот, но я радостно хохочу. «У меня окунь!» — ору я. Приятель мой ловит рыбу с берега. Он слышит и тоже кричит: «А у меня уже восемь!»

Ну и пусть, думаю я, пусть восемь. Зато у меня не простой окунь, а околдованный! Такой целой дюжины стоит.

А. Зимин

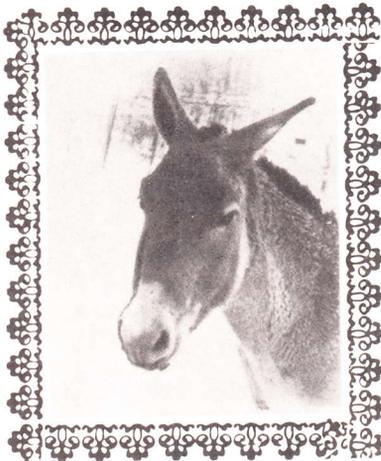
МИГ

СОВУ ПО ГЛАЗАМ ВИДНО

Фото А. Лухтанова

О ЧЁМ ОН ДУМАЕТ

Возможно, о том, думаем ли мы над тем, что он способен думать. Если так, пусть успокоится: человека издавна занимает вопрос о «разуме» животных. Недавно, как вы знаете, на эту тему был снят замечательный документальный фильм.

НО, МОЖЕТ БЫТЬ, ОН ДУМАЕТ НЕ ОБ ЭТОМ?

А, например, о том, что неплохо бы вам сообщать в «Зеленые страницы» о случаях «осмысленного» поведения ваших домашних (и не только домашних!) птиц и зверей.

Пишите нам о сообразительных кошках, умных собаках, мудрых лошадях, хитрых воробьях, доверчивых синицах и так далее! Некоторые из ваших рассказов, самые интересные, между прочим, могут пригодиться и ученым.

Конверты помечайте: «Зеленые страницы», КУЛАНУ.

Продолжаем публиковать присланные вами лесные пословицы и приметы погоды.

Римма Шатова из г. Лабинска: «Погоду можно узнать по кошке. Если кошка спит, закрыв нос лапой, — будет холодно, а если нет — будет тепло».

Таня Самкова из г. Гайны: «Соль отсырела — к дождю, роса с вечера — к хорошему дню, лес без ветра шумит — к дождю, снег блестит — к морозу».

Галя Пайшная из г. Томска:

По роду занятий я геодезист, путешествовую по стране с теодолитом и нивелиром. Встречаю много интересного. Как-то я жил в доме дорожника мастера. У него была стайка уток. Он привез их малютками из инкубатора и поселил вместе с крольчатком. Детишки сошлись характерами и так подружились, что водой не разлить. Так вместе и выросли. Забавно было видеть стаю матерых уток и с ними... кролика! Сестры-утки и братец-кролик.

Раз утром их выпустили погулять во двор. А посреди двора уже сидел чей-то кот. Доверчивый кролик подскочил к нему и стал щекотать губой его ухо, приглашая играть. А дурной кот закатил ему ни с того ни с сего оплеуху! И тут вся стая уток дружно кинулась на обидчика. Кот со страху на макушку дерева взобрался! Вот что значит дружба с детства.

Сальниченко К. И.,
пос. Каменный

ЖДЕМ НОВЫХ ПИСЕМ!

кие фигуры (в школе их называют «параллелограммом сил») — это ведутся поиски правильного наклона туловища при разгоне...

После победного финиша на олимпиаде на пресс-конференции Валерию был задан такой вопрос:

— МИСТЕР БОРЗОВ, СКОЛЬКО КЛАССОВ ШКОЛЫ ВЫ ОКОНЧИЛИ!

— Я окончил институт, — ответил Борзов. Корреспонденты удивленно переглянулись. Зачем, мол, бегать «стометровку», если за плечами институт. Спринтер-робот, спринтер-машина... Они привыкли к этому понятию и не поймут многого. Борзов — спринтер нового типа, и, выпытывая у Валерия его «секреты», зарубежные корреспонденты часто этого не понимают...

Про то, что в детстве он ничем особым от сверстников не отличался, говорить не буду. Потому что он отличался. У Валерия отличные природные данные. Спринтер в нем угадывался легко — во время первых же школьных стартов в Ново-Каховске, где жила семья

МОЛНИЯ НА ТАРТАНЕ

Впервые мы встретились с Валерием Борзовым три года назад, в Ленинграде. Шел по Невскому проспекту парень, и многие легко обгоняли его. Даже не верилось, что этот медлительный в жизни человек еще вчера на матче СССР — США так стремительно, ракетой, вылетел со стартовых колодок и резиновая дорожка стонала от поступи его могучих ног.

Два спринтера экстра-класса, два американских рекордсмена вышли на старт, чтобы впервые в истории легкой атлетики проиграть спортсмену из СССР. Програв, они очень удивились, а свое поражение объяснили случайностью. Они еще не знали, что уже выковано оружие, которое сделало Борзова пока непобедимым.

«Молния на тартане» — так после олимпиады в Мюнхене окрестили любители легкой атлетики этого спортсмена. За соревнованиями тогда наблюдало около миллиарда зрителей. Естественно, когда объявлялись фамилии победителей, каждый составлял свое мнение о спортсмене. Как отмечали многие, олимпийский бег Борзова был поистине артистичен. А его блистательный финиш запомнился всем. Борзов чуть оглянулся и, убедившись, что дело сделано, мягко, эластично сбросил скорость и закончил бег внешне спокойно, с поднятыми вверх руками, — как на тренировке. Это была шестая кряду победа советского спринтера над американцами.

Почему же Борзов не «включил» полную скорость? Потому что он выступал не только ради этого дня. Но и ради будущего. Потому что неизрасходованную скорость он не мог позволить себе пустить в дело просто так: иной характер, иначе воспитывали его.

Специалисты говорят: ему удается одержать психологическую победу уже перед стартом. Спокойствие, выдержка, приветливое отношение к своим соперникам — это тоже оружие, которым Валерий умело пользовался. Но оно не главное.

«Молния на тартане» породила гром среди ясного неба... Американские спринтеры оказались позади Борзова на обеих дистанциях — 100 и 200 метров. Сенсация? Нет. Ошибался тот, кто считал успех Борзова непредвиденным. Его победы на олимпийской дорожке ждали многие, и помогло ему стать сильнейшим спринтером мира его главное оружие — МЫСЛЬ.

Конструировал он это оружие не один, а со своим тренером Валентином Васильевичем Петровским. По вечерам они уходят в лабораторию и создают... скорость. Эту работу они ведут в Киевском институте физкультуры, где 23-летний Борзов учится в аспирантуре.

Плотные ряды формул заполняют листы тетрадей — это расчеты угла отталкивания при беге. Геометричес-

Борзовых. Отличником он не был, но и в двоечниках не ходил. Бегал за школу и почти всегда побеждал на состязаниях.

С каждым годом он все увереннее отвоевывает у времени короткие секунды. Валерий считает: нынешние рекорды спринтеров — не предел человеческих возможностей. В то же время чемпион видит свою задачу не только в том, чтобы пробежать «сотку» за 9,9—9,8 секунды. Надо как можно больше ребят приобщить к спорту. Поэтому так часто встречается Борзов со школьниками. Одна из таких встреч ребят с самым быстрым человеком на нашей планете произошла в Киеве. После того, как чемпион рассказал о своем спортивном пути, ребята задали ему много вопросов. Ученик шестого класса 182-й школы Саша Безбородко спросил Борзова:

— КАК СТАТЬ ЧЕМПИОНОМ!

— Вопрос не простой, — ответил чемпион. Его мне задают на всех встречах. Это и понятно. Стремление стать сильным и, что скрывать, знаменитым мечта многих.

Вот и у меня так было. Спал и видел себя хорошим спортсменом. Вырос я в Ново-Каховске и до позднего вечера пропадал в парке с множеством спортивных площадок. Там мы и в футбол играли, и бегали напергонки, а зимой увлекались хоккеем, лыжами. Вот такое разнообразие принесло мне позднее много добра. Ведь, считайте, отличный курс общефизической подготовки я прошел в те годы. Поэтому мечты мечтами, а всегда надо что-то делать, словом, трудиться надо и в спорте.

Мне часто пишут ребята с просьбой поделиться секретами подготовки к соревнованиям. Как легко и неинтересно жилось бы в спорте, будь у нас такие вот «секреты», способные дать новичкам большие победы. Как блины, мы пекли бы тогда чемпионов, рекорды. Понравился мне какой-нибудь симпатичный мальчишка, вот я и открыл бы ему все тайны, а он, глядишь, через год-другой стал знаменитым спортсменом.

Да только на самом-то деле все обстоит куда сложнее. Сколько существует спортсменов, столько и стилей, столько и способов подготовки. Думаю, что главное в спорте — это найти свой талант.

Я отнюдь не провожу весь день на беговой дорожке, но часа два—три обязательно посвящаю тартану. Тренировки бывают у меня и облегченные, когда в конце занятий и в душ идти не надо, — это зависит от поставленной задачи. Бывают и дни отдыха.

Боясь только, что последние слова могут оказаться

лазейкой для лодырей. Поэтому огорчу их, признавшись, что когда некоторые бегуны пытались скопировать мою систему, всем им она принесла одни разочарования. В спорте каждый должен пройти свой путь, прожить в нем свою жизнь.

А вот Костю Павлова из этой же школы заинтересовало другое:

— КОГДА ВЫ ПОБЬЕТЕ МИРОВОЙ РЕКОРД!

В Мюнхене я боролся за победу. Она назвала сильнейшего в мире: ведь у легкоатлетов нет мировых чемпионатов. Конечно, будь соперники посильнее, такие, как выдающиеся в недалеком прошлом американские спринтеры Боб Хайес или Томми Смит, мой результат был бы другим.

А мировые рекорды трудно поддаются прогнозам. Для того, чтобы побить рекорд, нужно немало условий. Тут и высокая степень подготовки бегуна, и сильная конкуренция, и состояние дорожки, погоды... Не последнее слово должна сказать и наука. Спринтеру приходится стартовать иногда два-три раза в день. Если появится средство, позволяющее восстанавливать работоспособность бегуна в перерыве между стартами, то результаты возрастут. У меня есть такая мечта — побить мировой рекорд — 9,9 секунды. Как только увижу, что это безнадежно, я оставлю большой спорт.

— БЫЛИ ЛИ ТРУДНЫЕ МИНУТЫ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ! —

задал вопрос Витя Шмитко, ученик пятого класса 191-й школы.

— Летом 1966 года я находился в прекрасной форме. Мои результаты росли от старта к старту. У нас с тренером затеплилась была надежда войти в состав сборной СССР. И вдруг — нелепая случайность. Во время тренировочного забега на дорожку неожиданно выскочил мальчишка. Чтобы не столкнуться с ним на большой скорости, я свернул в сторону и... упал, как подкошенный. Результат плачевный — разрыв мышц бедра.

— Вот и все, — говорил я себе, лежа на больничной койке. — Ты еще ничего не сделал в спорте, а с беговой дорожки нужно уходить. Обидно до слез было. А тут еще врачи говорят: года на три забудьте о спорте, молодой человек! Что этот срок значит для спринтера, понятно для каждого. Жизнь наша в спорте намного короче, чем, скажем, у бегунов на дальние дистанции. Ну, я и приуныл.

А потом узнал о мужестве Валерия Брумеля, о том, что он начал прыгать после тяжелейших операций стопы. «Это же настоящий подвиг, — подумал я, — а ты раскис из-за пустяка». Этот спортсмен с большой буквы теперь и находился как будто рядом со мной. Его воля, его упорство стали для меня примером, помогли мне через год выйти на дорожку стадиона.

После беседы ребята «взяли» чемпиона в плотное кольцо. Потянулись руки с блокнотами, тетрадками, листками. Каждому хотелось получить автограф олимпийского чемпиона.

— Не торопитесь, — сказал Валерий Борзов и лукаво улыбнулся, — автограф — при одном условии...

После триумфа на дорожке олимпийского стадиона Борзову прямо-таки не давали проходу. Однажды мюнхенцы, гулявшие в своем парке, могли увидеть любопытную картину. Спортсмена в тренировочном костюме с буквами «СССР» на груди окружили немецкие школьники. А потом ребята, чтобы получить автограф русского чемпиона, начали выполнять упражнение «пистолетик» — приседание на одной ноге. Острое соперничество не принесло результата — никто из немецких ребят не смог осилить задание.

Условия же для киевских школьников чемпион поставил такие. Девочкам: пройти по гимнастическому бревну, не потеряв равновесия. Мальчикам: подтянуться на перекладине семь раз. Честно говоря, в этот раз не все ребята смогли получить автограф олимпийского чемпиона.

Виктор Кордовский

* До Валерия Борзова только однажды европейским бегунам удалось победить американских спринтеров на Олимпиадах. Это сделал в Риме Армин Хари из ФРГ.

* Сильнейшие бегуны на 100 метров развивают скорость до 40 км/час.

* Всего три человека в истории легкой атлетики до Борзова добивались спринтерского золотого дубля на Олимпиадах — победы на 100 и 200 метров: в 1912 г. Р. Крейт, в 1936 г. знаменитый Джесси Оуэнс, а в 1956 г. — Боб Морроу. Все трое американцы. Борзов первым из европейцев повторил этот рекорд.

* В Украинском издательстве «Веселка» выходит книга Валерия Борзова. Она называется «Поединок продолжается секунды». В ней идет речь о десяти годах спортивной борьбы за доли секунды, о людях, помогавших Валерию бегать быстрее всех олимпийцев.

*Оформление А. Данилова
Фото А. Науменко*

В 50-х годах, когда хоккей с шайбой делал у нас свои первые шаги, когда не было еще залитых светом, прекрасно оборудованных спортивных арен, в Москву приехала английская спортивная команда.

На стадионе под открытым морозным небом собрались тысячи зрителей. Звук притоптывающих ног — признак мороза, отчетливо слышался над трибунами.

Английские львы («Львы» — это было название команды) выехали на поле для разминки. Пробыв, однако, на льду минут пять, они как-то незаметно, один за другим, вернулись в раздевалку. Стадион недоумевал, в чем дело.

Оказалось, что московский морозец показался им непереносимым холодом. И пришлось много сил потратить на уговоры, прежде чем они вышли все-таки на поле.

Об этом эпизоде, как и о многих других, комических или, наоборот, драматических, напряженных эпизодах истории советского хоккея, рассказывает замечательный наш спортсмен-футболист, затем хоккеист, позже тренер Всеволод Бобров. Из его книги «Рыцари спорта» мы узнаем о трех поколениях советских хоккеистов, которые принесли нашей стране столько спортивных трофеев.

«Вихрь на льду», «советская карусель», «снежная лавина», эти слова из отчетов зарубежных журналистов находят подробное описание и объяснение в этой книге. Всякий, кто болел за нашу команду перед экраном телевизора, с интересом прочтет эту книгу.

В. Бобров. «РЫЦАРИ СПОРТА». М. «Советская Россия», 1971.

ЦИРКАЧ-СПОРТСМЕН

Что такое «бенефис» борца? Лет сорок тому назад, когда борьба еще не считалась особым видом спорта, а была цирковой профессией, о таких «бенефисах» писали на афишах, вывешенных по городу.

Вот прославленный богатырь выходит на арену. Утихли аплодисменты, и представление начинается. Смертельно опасная схватка с медведем или быком, а то и с трехметровым удавом закипала перед взволнованными зрителями. Знаменитые силачи ломали подковы, рвали цепи, носили на плечах сорокаведерные бочки с водой, гнули железные балки.

Но шли годы, и многие богатыри стали спортсменами. Александр Григорьевич Мазур, автор книги «Жизнь борца», установил тогда особый рекорд. Он на сорок втором году жизни стал абсолютным чемпионом мира по классической борьбе. Его жизнь была полна увлекательных состязаний и замечательных достижений. Сегодня это уже история советского спорта.

А. Г. Мазур, «Жизнь борца» (Воспоминания чемпиона мира по классической борьбе). М. «Советская Россия», 1972.

Кто не знает подтянутого, с белым отложным воротничком, в черном спортивном костюме человека, без которого не обходится ни один матч «большого футбола»! С ним вместе на поле приходит справедливая и честная спортивная борьба.

Но, наверное, не всякий задумывался, насколько это сложное и тонкое искусство — футбольное судейство. Каждый болельщик обязательно подметит малейшую ошибку судьи и сочтет себя вправе громко кричать, свистеть или даже топтать ногами, а попробуйте-ка пригласить его на поле для судейства. Что тогда начнется на поле? Подумать страшно!

О своем многолетнем опыте судейства, о том, как к нему пришел авторитет судьи мирового класса, рассказывает в своей книге «Судья показывает на центр» Тофик Бахрамов, один из самых прославленных наших судей на зеленом поле.

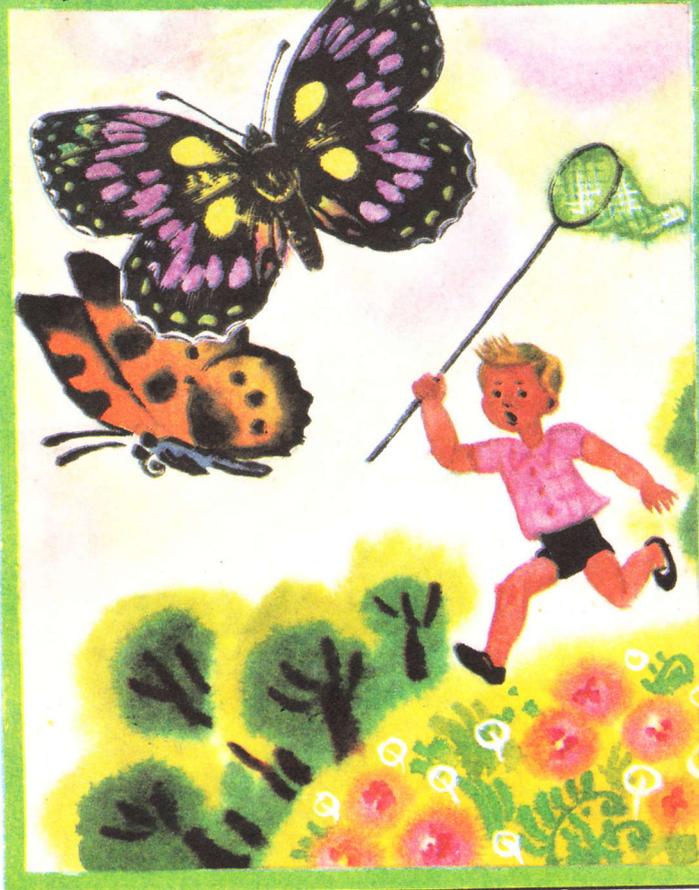
Он пишет о том, как труден этот путь, на котором неизбежны ошибки, неудачи, как постепенно приходит доверие и уважение спортсменов и зрителей.

Начинал Бахрамов свое судейство когда-то как судья на матчах... дворовых команд.

Конечно, и поле было маленькое, и футболисты едва достигали ему до пояса, но футбол есть футбол и законы справедливости в спортивной борьбе одни. Кто знает, не станет ли кто-нибудь из сегодняшних читателей его книги таким же прославленным арбитром?

Федор Чирсков

Т. Б. Бахрамов «Судья показывает на центр». М. «Физкультура и спорт», 1972.

БЕЛЬЧОНОК

Что он думает, бельчонок,
рыжий полуприручонок,
по стволу спускаясь вдруг
и орех беря из рук?

„Ел вчера, а нынче пусто
в животе моем опять.
Полустрашно, полувкусно,
а дают — так надо брать!

А не то как раз синица —
не успеешь удивиться! —
как вчера — с налету — хап
мой орешек из-под лап!“

Вот что думает бельчонок.
И, как рыженький бочонок,
он толстеет на глазах,
забывая всякий страх.

Он раздумывает, вроде,
о синице, о погоде,
об орешке, о сосне,
и навряд ли — обо мне...

Нонна Слепакова

Рисунок Т. Соловьевой

8

ОБЖОРА

Пришел Обжора в кабачок,
Он голодом терзаем.
— А ну, скорей бычка бочок
Зажарь-ка мне, хозяин!

— Во всем хозяин кабачка
Послушен вашей воле,

4

Но только нет у нас бычка,
Бычок пасется в поле.

— Тогда скорее на обед
Зажарь бедро косули!
Или косули тоже нет?
Косуля не в лесу ли?..

— Да, сударь, полон лес косуль,
Но все стрелки — из местных —
Уже давно
Ни стрел, ни пуль
Не шлют в косуль прелестных.

— Тогда жарь
Любую тварь —
Цыпленка, поросенка!..

— Их, сударь, нет у нас.
— Жарь,
Тогда мне хоть мышонка!..

— Я рад бы вам его подать
С огрызком хлебной корки,
Но, как нарочно, вылезать
Не хочет он из норки.

— Терпенье лопнуло мое!
Подай хоть эту корку...

— И рад бы, сударь, но ее
Унес мышонок в норку.

Владимир Лифшиц
Рисунок И. Казаковой

5

ХОТЕЛ БЫ Я ВЫУЧИТЬ ПТИЧИЙ ЯЗЫК

Кто знает,
О чем
На зеленой опушке
Беседуют сойки,
Щеглы и кукушки?
О чем они спорят,
Щебечут, воркуют?
О чем тараторят,
Поют и кукуют, —
И слышны
То пенье,
То клекот,
То крик?
Хотел бы я выучить
Птичий язык!
Хотел бы я птички заботы понять,
Хотел бы их крики и споры унять,
Хотел бы от хищников их охранять,
Хотел бы их песни всюду распевать!

Интересно, от кого это он?
— Шу-шу-шу! — послышалось в траве. — Шу-шу-шу!..

И вот рядом с кустом, шипя и извиваясь, показалась длиннющая Змея.

Ёжик притих, притаился.

А Змея все ближе и ближе. Видно, тоже под кустик направилась. В тень, в прохладу.

Сытая, ленивая, она ползла медленно-медленно, точно черный ручеек струился.

Глядя на нее, Ёжик проглотил слюнки, усмехнулся и подумал: «Вот глупый Зайчишка! Змея испугалась...»

Семен Козан

Рисунок Г. Воскова

ЁЖИК, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ДУМАТЬ

В жару Ёжик любил отдыхать под кустом ежевики. Темно, прохладно, и главное — никто не побеспокоит. Куст колючий-колючий, точно Ёжикин брат. Только большой и зеленый.

Лежит себе Ёжик под кустом и думает. О чем? Обо всем. Что придет в голову — о том и думает.

Сквозь негустые ветви просвечивает голубое-голубое небо.

Ёжик думает о небе.

Странно, небо такое большое, как земля, может, и поболее, а ведь нет на нем ни травинки, ни кустика. Попробуй спрячься. Поэтому, наверное, и мечутся птицы в нем и кричат испуганно.

Нет, Ёжик не завидует им. И в небо ему совсем не хочется. Ну разве что подняться разок, поглядеть вокруг — и снова на землю, под кустик.

Чуть поодаль виднеется большой-большой дуб. Стоит себе на холме, у самой реки, тихо, спокойно стоит, а потом как зашуршит листвою. Точно увидел что-то страшное, зашумел испуганно.

Ему бы спрятаться под кустом. Да нельзя. Куда такому великану!..

Выбежал на пригорок Зайчишка. Еле дух перевел. Сел, посидел, сладкий корешок пожевал. А потом замер, настороженно поводя ушами. И как-ак задаст стрекача.

Я птицам сказал бы:
Спасибо вам, птицы —
Чечетки, щеглы,
Коростели, синицы!
Без вас, голосистых,
Веселых, крикливых,
Нам было бы очень
тоскливо!

Екатерина Карганова

Рисунки
Т. Капустиной

ЗА ТИТУЛ ЧЕМПИОНА!

Отборочный этап близится к концу, сегодня его предпоследний тур. Кто еще не набрал заветных 50 очков, открывающих дорогу в финал должен нажать на педали!

Боевое задание шахматистам.

А. Белые: Крд6, Фf3, Лс2; черные: Крд4, Мат в 2 хода.

Б. Белые: Крh5, пп. е7, g7; черные: Крh7, п. h6. Мат в 3 хода.

Боевое задание шашкам.

А. Белые: е5, f6, g1; черные: а5, h2.

Б. Белые: е5, f6, g1; черные: а5, h2, h8.

В этих этюдах-близнецах белые выигрывают.

КОМИТЕТ „ВОПРОС—ОТВЕТ“

«Я часто читаю о том или другом шахматисте, что он «попал в цейтнот», «играл в цейтноте». А что такое этот цейтнот — не знаю. Объясните, пожалуйста!» — просит Сеня Кожевин.

Цейтнот это нехватка времени на обдумывание ходов. Вот двое играют турнирную партию — могут ли они думать над ходами бесконтрольно долго или время для раздумий ограничивается? Да, ограничивается! Каждому «отпускается» по 2 часа на совершение сорока ходов. Если у шахматиста истекли его 2 часа, а он не сделал сорока ходов, то ему засчитывается поражение.

Представь, что твой противник продумал уже 1 час 56 минут, а сделал 26 ходов. Значит, он обязан за оставшиеся 4 минуты успеть сделать еще 14 ходов. Времени на их обдумывание у него явно недостаточно — он в цейтноте!

ЧУДЕСА В ШАШЕЧНОМ РЕШЕТЕ

— Внимание, внимание! Говорит и показывает знаменитый факир-маг На Ду Валкин! Никакой ловкости рук, а тем более, мошенства. Обыкновенное чудо, основанное на остроте ума!

Я раскладываю шашечную доску. Я ставлю четыре белые простые шашки на е3, на f2, на f4 и на g3.

Я ставлю две черные дамки на с1 и е1. Еще я ставлю семь простых черных шашек на с7, е7, f6, f8, g7, h6, h8.

Да, да! И не вздумайте предполагать, будто я ошибся! Все именно так: у белых только четыре простые, а у черных их семь и еще две дамки. А теперь — минутку...

Абэ и Вэгед,

Чья же тут победа?

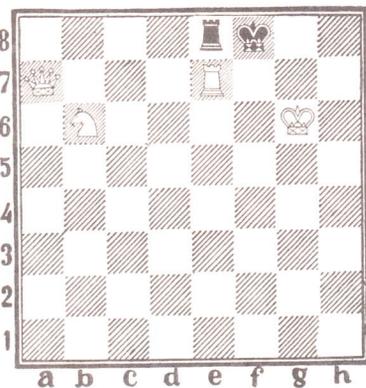
Все ясно: выигрывают белые! Кто же из вас, доблестные рыцари, найдет выигрывающие ходы?

НА ПОЛИГОНЕ

Как всему миру известно, основное оружие арчебековцев это быстромат. Из него они ведут прицельный огонь по вражескому королю.

Сегодня на нашем полигоне проводится очередное испытание нового образца быстромата. Условия стрельбы — на диаграмме.

Рыцари! Вы приглашаетесь на линию огня! Ваша цель — черный король. Белые начинают, и — ба-бах! — мат, как можно быстрее!

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Ты скоро будешь переведен в рыцари. Готов ты к этому?

Белые: Крд6, Фа6; черные: Крh6.

Дать мат ферзем и королем для

тебя, конечно, уже пустяковое дело. Но здесь его надо объявить очень быстро — в два хода. Поэтому нужна точность. Прояви-ка ее!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 5 решаются так.

Турнирные. Шахматы — А. 1. Сg7! С:g7 2. Фе6+. Или 1... Сb2 2. С:b2. Или 1... Крg8 2. С:a1. Б. Если ход белых, то они выигрывают — 1. Крb5 Крf4 2. Крс6! Кре4 3. Крс5! и т. д. Если же ход черных, то — ничья: 1... Крf4 2. Крb4 2. Кре3! 3. Крс3! Кре4 4. Крс2! Кр:d4 5. Крд2 — белые заняли оппозицию и не пропустят черную пешку в ферзи. **Шашки** — А. 1. fe3! 2. dc3! 3. fe5 4. hg3X. Б. 1. cd4! 2. dc7! 3. dc5 4. ef4 5. cd2X.

Для рыцаря — 1. Фg8+! Чудеса в решете — 1. Крb1! **Тренировочная кабина. Первая** — 1. Фh8! **Вторая** — 1. Фа1! и тогда 1... Крс5 2. Фа7+, 1... Кре5 2. Ф:c3+; 1... Кре3 2. Фg1+; 1... Ле3 2. Лg5! **Третья** — 1. Ке5 b5 2. Кс4! bc 3. Ce1! c3 4. b4 c2 5. b5X.

ПРИКАЗ № 7

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Сражающимся за титул чемпиона, а также рыцарям — отослать рапорты (без конвертов — на почтовых карточках!) до 1 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ПРОВЕРЬТЕ ВАШУ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ И ПАМЯТЬ

В эту игру можно играть и одному, и группой. Перепишите себе в тетрадь таблицу, напечатанную на этой странице. Затем каждый участник подставляет в пустую колонку числовые значения, которые ему кажутся наиболее точными.

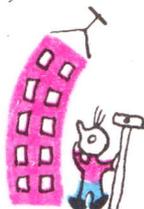
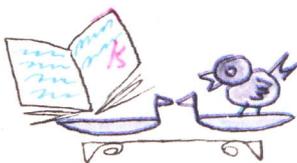
Сколько весит слон (в тоннах)?

1. Сколько весит слон (в тоннах)?
2. Какова высота стандартного 5-этажного дома в метрах?
3. Какова средняя скорость пешехода (км/час)?
4. Сколько весит кирпич (в килограммах)?
5. Сколько воды помещается в ванне длиной 150 см (в литрах)?
6. Сколько ударов в минуту делает пульс здорового человека?
7. Сколько бензина расходует «Москвич» на 100 км пути (в литрах)?
8. Сколько весит воробей (в граммах)?
9. Какова средняя скорость спортсмена-лыжника (км/час)?
10. Сколько весит ученическая тетрадь в 12 листов (в граммах)?
11. Сколько человек всего, сидя и стоя, помещается в городском автобусе?
12. Какова длина нити в стандартной катушке для швейной машины (в метрах)?
13. Каков диаметр 5-копеечной монеты (в миллиметрах)?
14. Сколько весит футбольный мяч (в граммах)?
15. Сколько весит железный шарик диаметром 1 см (в граммах)?

Сумма

Затем сложите написанные вами числа и посмотрите ответы внизу.

Выпрыгает тот, чья сумма ближе всего к числу 1200. Если у вас сумма получилась в пределах 1100-1300 — у вас хорошая наблюдательность. Если же сумма меньше 600 или больше 1800 — то вы склонны сильно преуменьшать или сильно преувеличивать. Тренируйте свою наблюдательность и память!

СОДЕРЖАНИЕ

НАВСТРЕЧУ X ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ	1
Шуркина стратегия <i>повесть И. Нерцева</i> <i>рисунки Ю. Шабанова</i>	11
Первый параграф <i>очерк А. Бережного</i> <i>рисунки А. Гетманского</i>	24
Курская битва <i>главы из книги</i> <i>А. Митяева</i>	28
Где начинается море <i>из записок океанолога</i> <i>Е. Попова</i> <i>рисунки В. Куприянова</i>	32
Страна Поэзия К 80-летию Вл. Маяковского	38
Багадур <i>сказка А. Абу-Бакара</i> <i>рисунки Ю. Бочкарева</i>	40
Рассказы о тракторе „Кировец“ <i>главы из книги В. Арро</i>	44
А что дальше? <i>литературная игра,</i> <i>ведет И. Дворкин</i> <i>рисунки Г. Ясинского</i>	48
Морская газета	52
Деды всякие нужны <i>стихи Б. Кагермазова и</i> <i>Магомед-Загид Аминова</i> <i>рисунки Н. Муратова</i>	54
Маша-Мураша <i>сказка А. Гарф</i> <i>рисунок Б. Семенова</i>	55
Зеленые страницы <i>ведет Н. Сладков</i>	56
Молния на тартане <i>очерк В. Кордовского</i> <i>фото А. Науменко</i> . .	58
Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА	60
Уголёк <i>журнал для малышей</i>	61
Арчбек <i>шахматы и шашки</i> . .	63

Зам. главного редактора Ю. А. Юркан

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова,
Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев,
А. И. Пантелеев, Л. Н. Пожидяева,
Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова,
Н. И. Сладков, Н. В. Тербинская
(отв. секретарь), В. В. Торопыгин,
Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова.

Художник-редактор Технический редактор
М. С. Беломлинский В. И. Мецатунова
Корректор
В. А. Маевская

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15.
Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-15997. Подписано к печати 30/V-1973 г.
Формат 60×90. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 600 000 экз. Заказ 608. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Союзполиграфпрома при Государственном Комитете
Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
197101, Кронверкская ул., 7.

Ответы на задания № 6

1. О ЧЕМ ШУМИТ ЛЕС? — из нумерованных букв составляется призыв: ДРУЗЬЯ, СОХРАНИМ ЛЕС ОТ ПОЖАРОВ.
2. ГОЛОВОЛОМКА. В цепочке можно прочитать не менее 60 слов.
3. ЧЕМОДАН С НАКЛЕЙКАМИ. Если бы Демьяша действительно

ехал только с востока на запад, то наклейка Берлина не могла бы оказаться поверх наклейки Парижа, Нью-Йорка — поверх Чикаго, Сан-Франциско поверх Сингапура, Токио поверх Мехико, Тегерана поверх Сиднея, Сиднея поверх Баку, Бомбея поверх Тегерана, так как все эти города восточнее один другого.

**ДОНЕСЕНИЯ
КОМАНДИРОВ
ОТРЯДОВ**

Высокие вышки из бревен, которые установлены на побережьях, на возвышенностях, — это знаки общесоюзной геодезической сети. Они нужны для точного составления географических карт и являются «опорой» (гидрографический термин) всех гидрографических исследований.

*Командир отряда «Луч»
Вера Наумова*

Участников экспедиции «Гидрограф» и всех читателей журнала «Космос» поздравляю с Днем Военно-Морского Флота. Начальник экспедиции «Гидрограф» контр-адмирал Н. Скозырев.

Мы идем по берегу моря. Встречаем много планктона. Планктон пригоден в пищу. Его можно ловить сачком из газа или марли, отжав, употреблять в пищу сырым.

*Отряд «Дежневцы»,
Приморский край*

**ПРЕДПИСАНИЕ ПИОНЕРСКИМ ГИДРОГРАФИЧЕСКИМ ОТРЯДАМ,
СОВЕРШАЮЩИМ ЛЕТНИЕ ПОХОДЫ**

Предлагаем во время похода фотографировать или зарисовывать средства навигационного ограждения, которые будет встречать отряд. Снимок (рисунок) должен быть четким, размером 9×12 см. На обороте указать название СНО (средство навигационного оборудования), его окраску, форму, материал, из чего сделано СНО. Указать точное место установки относительно ближайших населенных пунктов. Собранные вами материалы будут использованы в Извещениях мореплавателям и для уточнения лоций.

ПРИКАЗ № 5 ПО ЭКСПЕДИЦИИ «ГИДРОГРАФ»

1. Доложить в штаб о самом интересном, что вы узнали о Камчатском полуострове.
 2. Оформить и выслать в штаб дневники и отчеты ваших гидрографических походов.
 - а) отрядам, проводившим поход в июле, отчеты выслать до 1 сентября;
 - б) отрядам, которые будут проводить поход в августе, — до 1 октября.
- Примечание: к отчетам можно прилагать различные интересные «морские» находки, сделанные на берегах морей, рек или озер.

СООБЩЕНИЕ ПРЕСС-ЦЕНТРА ЭКСПЕДИЦИИ

В редакции «Морской газеты» состоялась встреча юнкоров с командующим экспедицией «Гидрограф» контр-адмиралом Николаем Васильевичем Скозыревым. Командующий рассказал ребятам о работах советских гидрографов, о важности гидрографической службы для военно-морского флота, для плавания торговых и рыболовных судов.

Нас трое. Мы живем в одном доме, учимся в одном классе, дружим с самого детства. Все мы мечтаем стать океанологами, потому что это интересная и увлекательная работа...

Отряд «Катамаран-8», Москва

Пишет вам экипаж подводной лодки «Мечтатель». Название нашей подлодки связано с тем, что все ребята с нашей улицы мечтают после школы поступить в военно-морские училища. Об этом мечтает даже наш

юнга (ему всего лишь шесть лет). Но несмотря на это, мы зовем нашего юнга «Бывалыч». Мы стараемся во всем походить на настоящих моряков, завели судовую журнал, учим азбуку Морзе, учимся вязать морские узлы.

*Экипаж «Мечтателя», Подольск
Московской обл.*

Этот снимок фотокорреспондент Михаил Харламов сделал летом прошлого года в Ленинграде, где проходил Второй фестиваль дружбы молодежи СССР и ГДР.

Радостными были эти дни советских и немецких ребят!

С нетерпением ждут новых встреч юные друзья на фестивале в Берлине.

«Пионерская республика имени Вильгельма Пика» примет посланцев из сорока детских организаций мира. Каждый будет участвовать в празднике «Пусть всегда будет солнце».

